

Надежда Волгина

ОБОРОТЕНЬ

моей мечты

Надежда Волгина
Оборотень моей мечты
Серия «Медведи-оборотни», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35004889

SelfPub; 2018

Аннотация

Дети часто платят за грехи отцов, сами о том не догадываясь. Но мне «повезло» больше всех. Моим палачом стал озлобленный дух в образе красивой девушки. Без объяснения причин она похитила меня с празднования серебряного юбилея родительской свадьбы, закинула в клан пятнистых медведей и заставила танцевать для извращенных самцов. Да еще и кару пообещала такую, что в страшном сне не приснится. Мне ничего не оставалось, как бороться с чужой похотью, узнавать правду о своих родителях и искать настоящую любовь. Для обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	82
Глава 8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1

Что? Вы спросите, красива ли я? Ну конечно! Розовые щечки, маленький носик, пухлые губки, огромные загадочные глаза... Только это не я, а кукла Барби с осиной талией и крутыми бедрами. Мое лицо покрывает аристократическая бледность, носик не огромный, конечно, но больше среднего. Губки пухлые, да, чересчур пухлые, я бы сказала. Иногда от их пухлости становится тошно. Волосы длинные, чуть вьющиеся. Цвет их все считают особенным: темно-рыжего оттенка, почти красный. Ну и глаза, что называется, зеркало моей души, зеленые. Только вот душу через них не разглядишь, потому что прячутся они за толстыми линзами очков и смотрятся маленькими, какими-то пуговками. Спросите, почему не ношу линзы и жалуюсь? Да потому что их мне категорически запретил мой офтальмолог. Пробовала и не раз. Покупала самые качественные и дорогие. Пока зрение мое не начало стремительно падать. Вот тогда-то мне врач и открыл правду на это удобное для многих оптическое изобретение. Оказывается, моим глазам, как редкому исключению из правил, линзы вредят. Они создают дополнительную нагрузку на роговицу и хрусталик, отчего те изнашиваются быстрее. Поэтому мне пришлось расстаться с мечтами о меняющих цвет глазах и смириться с очками и невыразительностью лица.

Впрочем, страдала я недолго. С очками «срослась» с детства, едва ли не с колыбели. В младенчестве я еще и косила здорово, но это врачи исправили, и на том спасибо. Но в такие моменты, как это утро, разглядывая себя в зеркало, я понимала, что какими бы стильными не были очки, мое лицо они меняют до неузнаваемости. А без них, к сожалению, я практически ничего не вижу. Кроме того, еще и ростом не вышла. Про пикантность форм вообще молчу. Такое даже в голову никому не придет при виде моей подростковой фигуры. И в кого только уродилась такая? Папа – настоящий атлет, даже возраст не властен над его стальными мышцами. Мама могла бы стать моделью, если бы не ее любовь к русскому языку. Над ней тоже время не властно, выглядит намного моложе своего возраста. Наверное, в школе, где она уже много лет преподает русский язык и литературу, у нее немало завистниц. Хотя ее дружелюбие настолько подкупает, что вряд ли кто может оставаться равнодушным. Говорю это без прикрас, не потому что она моя мама. Добрее и приветливее человека я в своей жизни не встречала. И кстати, сегодня у мамы с папой юбилей – серебряная свадьба!

Взгляд упал на часы, и я завертелась на месте, как волчок, не зная за что хвататься. Стою тут, разглядываю себя в зеркало, а через полчаса уже начнется семинар по философии, который, если пропущу, не видать мне «автомата» в этом семестре. На ВУЗе настояли родители, хотя я и в школе звезд с неба не хватала. Как закончила, хотела пойти работать, но

мама с папой запретили мне это строго настрого. На семейном совете постановили, что учиться мне на бухгалтера, раз уж с математикой в школе дела обстояли лучше, чем со всеми другими предметами. Вот теперь я и несу эту ношу, каждый год мечтая бросить институт, но заставляя себя учиться ради родителей. Расстраивать их точно не хочу, как и разочаровывать. Знаю точно, что любить они меня будут вопреки всему, но хочется, чтобы еще и гордились своей не очень умной дочерью.

– Мам, я убежала!.. – выскочила из комнаты, крича на ходу. – Опаздываю!..

– А ну стой! – полетела вслед команда.

Я уже завязывала ботинки, когда мама степенно вышла в коридор. Она у меня вообще не любит торопиться, а пустую суету так и вовсе терпеть не может. Не то что некоторые...

– Мам, мне некогда, – заскулила я.

– Успеешь, – спокойно улыбнулась она. – Какой сегодня день?

– Ваш с папой юбилей. Мам! Ну разве я могу забыть?!

– Нет конечно, – тряхнула она головой, отчего ее густые волосы цвета сочного янтаря красиво колыхнулись. – А вот замечаться можешь, – рассмеялась она.

Да уж... Водился за мной и такой грешок. Рядом с институтом в густом ивняке пряталось небольшое озерцо. Я, когда его впервые увидела, была буквально сражена мыслью, что подобного очарования не встречала нигде. Озеро было

заброшено, давно не чищено. Но именно это меня и привлекало. С мая и до самых заморозков на его поверхности цвели кувшинки. Когда-то это место было окультуренным, на что намекали лавочки, на первый взгляд неприметные в кустах. Да и сейчас сюда частенько забредали влюбленные парочки и я. Часами могла сидеть и смотреть на эту дикую красоту. О чем я в такие моменты думала? Даже сама не знаю. Обо всем сразу. Мама называла меня мечтательницей. Но скорее всего, я просто отдыхала душой наедине с природой. Место не считалось опасным и ходить мне туда не запрещали, что я и делала почти каждый день, если погода позволяла.

– Мам, на улице дождь. У меня семинар и три лекции. Как освобожусь, сразу домой.

– Смотри у меня! – притворно погрозила она мне пальцем. – Банкет в семь. Нам с тобой нужно быть там пораньше, чтобы все проконтролировать.

Мама, моя мама. Как же я люблю ее! Она для меня пример во всем. Именно на нее я бы хотела быть похожей, если бы природа не рассудила по-своему. Наверное, две красавицы на одну семью – это слишком. Только вот опека ее временами выводит из себя. Шагу не могу сделать самостоятельно, постоянно должна докладывать, где я и с кем. Была бы ее воля, заперла бы меня дома. Все понимаю, единственный ребенок и все такое. Но не до такой же степени! Интересно, все любящие мамы такие? Думаю, нет.

То ли дело папа. В этом плане они с мамой совершенно не

похожи. На тему моего воспитания даже ссорятся частенько. Отец не устает повторять: «Маруся у нас девушка серьезная, на глупости не способна». На что мама ему отвечает: «Береженного бог бережет». Хотела бы я еще знать, чего она так сильно боится. А в том, что именно страх диктует ей такое поведение, даже не сомневаюсь.

Вообще, у папы с мамой есть какая-то тайна. Об этом я знаю с детства. Временами они ее обсуждают, но сразу же замолкают, стоит мне появиться. Как-то я не выдержала и спросила, что они от меня скрывают, что такого страшного произошло в их жизни. Мама тогда очень серьезно на меня посмотрела и ответила: «Мы с этим живем, а ты не забивай себе этим голову». Вот так-то. Пришлось смириться, хоть и обидно было тогда до слез.

Маруся – это не имя, а семейное прозвище, которое стало всеобщим достоянием. Так меня зовут все, хоть и представляюсь я Мариной. Пришло же папе в голову переименовать мое имя в эту старомодную и слишком русскую производную. В моем представлении Маруси – дородные девахи, в длинных сарафанах, с хвостинами, загоняющие корову во двор. Где я и где они?

Октябрь в этом году выдался злющий какой-то. Улица меня встретила ледяным порывом ветра и противным дождем. С трудом удерживала зонт, пока добежала до остановки и спряталась под козырек. На мое счастье, автобус подъехал сразу же. На семинар не опоздала, заскочила в класс на ми-

нуту раньше преподавателя.

– Какие планы на вечер? – подлетел ко мне после пары Вовка с параллельного потока.

С ним мы вроде как встречаемся. Почему вроде как? Да потому что для себя я еще ничего не решила. Как человек Вова мне нравится и даже очень, но вот принца на белом коне я представляю несколько иначе. Вова умный и добрый, но не сильный и не красивый. Понятно, что с лица воды не пить... Да и очкарики мы оба, тоже как-то несправедливо. Хотя, проводить с ним время мне приятно, а дальше пока наши отношения и не заходили.

– Сегодня вечер занят.

– Жалко... – протянул Вова. – Хотел на премьеру тебя затащить.

– Увы, не могу. У нас сегодня большой семейный праздник.

Наверное, я произнесла это слишком радостно, потому что лицо Вовы моментально вытянулось от обиды.

– А близких друзей на праздник не приглашают?

Ну что тут ответишь? Пришлось импровизировать и прикидывать на ходу. И банкет-то будет проходить в очень узком кругу (это тридцать-то приглашенных!), и мама с папой считают, что юбилей свадьбы – слишком интимное событие... Наговорила с три короба, чувствовала себя отъявленной лгуной, но кажется, Вова поверил и обижаться перестал. На том и расстались. Я же оставшиеся три пары лекций тихо ра-

довалась, что похода на премьеру удалось избежать. Не любила этого дела – билеты дорогие, народу толпа, да еще и фильм, как правило, начинается не сразу, сначала всякие рекламные материалы демонстрируют, а то и выступает кто перед показом.

Погода вконец испортилась. Пока добралась до дома из института, вымокла до нитки. Зонт выворачивало шквальным ветром, да и от косого жалящего дождя он все равно не спасал.

– Быстро в ванную! – скомандовала мама, увидев мокрую меня на пороге.

Через два часа, при полном параде, мы уже вызывали такси, чтобы отправиться к месту проведения банкета – небольшому ресторанчику в центре города. Оделись обе нарядно. Мама – в новое белое платье кружевной вязки, а я – в свой любимый синий бархатный костюм: жакет и короткая юбка.

На моей памяти это было первое семейное торжество, которое мы отмечали вне дома. Обычно мама предпочитала готовить и накрывать стол сама. Всегда делала это с большим вкусом. Но серебряная свадьба – случай особый, так мы порешили на семейном совете. То ли погода на меня так действовала, то ли еще что, но даже мама подметила странности в моем поведении.

– В институте все нормально? – спросила она, притягивая к себе и обнимая меня в теплом салоне автомобиля.

– Все отлично.

– А с Вовой как?..

– Да, тоже хорошо. Дружим, – решила уточнить я.

– Тогда почему ты сегодня такая задумчивая?

Чтоб я еще сама знала. Но отнекиваться не стала, понимая, что настроение мое далеко от идеального. Почему-то именно сегодня воспоминания о детстве настойчиво лезли в голову. Я даже скучала по тому безоблачному времени, словно в одночасье на меня навалились все мировые проблемы. Может быть, подобные мысли порой одолевают всех, кто вырос в любви и достатке и как-то вдруг перестал быть ребенком.

– Мам, а как вы с папой познакомились? – вместо того чтобы ответить на ее вопрос, спросила я.

Они не выросли вместе. Папины родители жили довольно далеко от нас, в небольшой деревушке, где он и родился. Мама появилась на свет вообще в Магадане, а когда ей исполнилось семь лет, они всем семейством перебрались в Новосибирск, где мы сейчас и живем. Не заканчивали одну школу, не учились вместе в институте. Папа так и вовсе не имел высшего образования. Всю жизнь он занимается художественной ковкой. Говорят, в этом деле он достиг настоящего мастерства, от заказов отбоя нет. Именно это и приносит нашей семье очень даже приличный доход. Они до такой степени разные, что, наверное, не у одной меня возникает вопрос, что их связывает. Конечно, кроме любви, которая сквозит во всех словах и жестах.

Однажды мама пыталась притупить мое любопытство, тогда еще подростковое, придумала историю их знакомства на дне рождения общего друга. Естественно, я сделала вид, что поверила. Но уже тогда по ее лицу я поняла, что она догадалась о степени провальности затеи.

Вот и сейчас она замкнулась, и я явственно читала работу мысли на ее лице.

– Мам, почему бы тебе не сказать правду? – устало вздохнула я. – Или не говори ничего, не мучай себя.

Она посмотрела на меня очень серьезно. Такое выражение появлялось на ее лице всегда, когда она пыталась замаскировать раздражение, готовое вылиться на чью-то голову. На этот раз на мою голову. Я уже готовилась к очередному увещанию, корила себя, что вообще заговорила на эту тему, как мама произнесла:

– Наверное, ты права. Настало время рассказать тебе правду. Только, Марусь, давай отложим разговор на вечер, после банкета.

Господи, ну что я за дочь! Ведь у родителей сегодня юбилей, к которому они так готовились! Черт дернул меня за язык именно сейчас!

– Мамуль, прости, – прильнула я к теплому и такому родному плечу, чувствуя, как глаза увлажняются от наплыва эмоций. – Я очень люблю вас с папой! Больше всех в мире. И у вас сегодня праздник! – с деланным воодушевлением закончила, целуя ее в щеку.

– И я тебя люблю, малыш, – улыбнулась мама, снова привлекая меня к себе. – Вечером поговорим...

Оставшийся путь до ресторана мы ехали молча, не разжигая объятий. Я думала о том, как же мне повезло в жизни иметь таких замечательных родителей. О чем думала мама, не знаю, но выглядела она довольной. И слава богу!

Папа уже был на месте. Он, как всегда, в своем репертуаре – сидит, читает газету, не обращая внимания на снующих и накрывающих на столы официантов. Спокойный, расслабленный и красивый. Приехал на праздник прямо с работы и уже при полном параде. Щегольский костюм сидит на нем так словно носить их для него обычное дело. А я вот даже и не помню, когда видела его в последний раз таким нарядным. Краем глаза заметила, как засветилась от восторга мама, как встретились они с папой взглядами, и искра настоящего теплого чувства промелькнула между ними. Конечно же, я не завидую своим родителям, но тоже мечтаю именно о такой любви. Хочу встретить свою половинку, такую, что с каждым годом буду любить все сильнее, и он мне отвечать тем же. Благо, на примере своих родителей точно знаю, что такое возможно.

Зал ресторана уже был полностью готов к приему гостей. Столы сервированы, по всему периметру расставлены вазоны с алыми розами. Это мамины любимые цветы. А задумка украсить ими зал принадлежит нам с папой. И сюрприз удался – мама обошла каждый вазон, прикоснулась к шелко-

вистым бутонам и ощутила тонкий ни с чем не сравнимый аромат.

Праздник начался вовремя. Гости приходили одни за другими. Всех их мама с папой встречали стоя, принимали поздравления и подарки, усаживали за стол. Здесь были их самые близкие друзья и несколько сослуживцев с работы.

С каждым выпитым бокалом и произнесенным тостом атмосфера в зале становилась все более раскрепощенная. Громче звучала музыка, и родители первыми подали пример, выйдя на танцпол. Уговаривать остальных не пришлось, и вскоре танцевали уже почти все, за исключением нескольких человек, оставшихся за столами, в том числе и меня.

Мне нравилось наблюдать за праздником, за лицами людей, впитывать атмосферу счастья. Когда-нибудь и я выйду замуж. Пройдет время, и наступит наш с мужем серебряный юбилей. Какой он будет, мой муж? Я задумалась. Воображение тут же подбросило образ Вовы. Невольно скривилась. Нет, конечно же, я отношусь к нему замечательно, как к самому лучшему и верному другу. И только так. Да, мы целовались, и мне даже было приятно. Но не думаю, что это именно та эмоция, которую должны рождать поцелуи с любимым мужчиной. До Вовы я целовалась всего-то с двумя парнями, еще в старших классах школы. И тоже ничего, кроме приятно, не испытывала. Феерично! Слово родилось само в сознании. Поцелуй с любимым мужчиной должен быть именно таким, чтобы затмить все остальные мысли. Я знала,

что пойму сразу, как только встречу такого мужчину, стоит только его губам прикоснуться к моим.

Музыка снова ворвалась в сознание. Я даже затрясла головой и невольно рассмеялась. Размечталась тут о любви, о поцелуях... Словно порог моего дома только и делают, что обивают поклонники. Не больно и много претендентов на сердце слепухи, как я сама себя называла. Выбирать не из кого. Но и довольствоваться тем что есть не буду. Поживем, увидим.

Наблюдая за танцующими, я восхищалась музыкальной подборке, сделанной с большим вкусом. Респект тому диджею, что так постарался. Мелодии восьмидесятых сменяли более современные и очень лиричные. Не было клубняка, который так напрягает поколение моих родителей. Надо же! Даже дым по полу пустили. Какая предусмотрительность и смекалка.

Белые клубы стелились по паркету, поднимаясь все выше. Танцующие пары уже наполовину скрылись в дыму. Однако, перебор! И кажется, спецэффект все нарастает. Интересно, почему еще никто не возмущается? Одной мне это кажется странным?

Я повертела головой в поисках официанта. Как назло, в зале не было ни одного. Да и за столом я осталась в одиночестве, теперь уже танцевали все, даже те, кто ждали нужной кондиции.

Когда фигуры танцующих полностью заволокло белым

дымом, и я не видела ничего вокруг, внутри уже вовсю разрасталась паника. Что происходит?! Уж не горим ли мы? Но запаха гари не чувствовала. Все так же играла музыка, слышались разговоры и смех, только теперь все звуки доносились до меня словно через какую-то пелену, становясь все более приглушенным.

Голова кружилась все сильнее. Я проваливалась в какую-то нереальность. Хотела встать или закричать, но не могла даже пошевелиться. А потом я увидела ее, в ярком пятне красно-желтого цвета, словно объятую пламенем. Нереально красивая женщина, с рыжими гладкими волосами до талии медленно приближалась ко мне. Она смотрела мне в глаза своими яркими и зелеными, не мигая. Я тоже не могла оторвать от нее взгляда. Музыка осталась где-то очень далеко, до меня уже почти не долетали ее отголоски. Все более сгущалась пугающая тишина. Она давила на барабанные перепонки, наполняла голову и душу пустотой.

Незнакомка приблизилась ко мне вплотную, и откуда-то повеяло запахом ландышей. Вблизи она казалась еще красивее, если такое только было возможно. Девушка протянула руку и коснулась моего плеча ледяными пальцами. Даже сквозь ткань тонкого жакета я почувствовала промораживающий холод. В глазах ее вспыхнули искры, и в голове моей прозвучал голос: «Нам пора». Кажется, после этого я отключилась. Помню только, как стены качнулись перед глазами и закружили вокруг меня, все ускоряясь.

Глава 2

Отчего так болит голова? Не с бокала же вина, что выпила вчера на банкете? Или я умудрилась напиться, сама не помню как?

Когда ворочаться уже не осталось сил, я распахнула глаза. Взгляд уперся во что-то сероватое и слегка колышущееся. Принюхалась. Откуда-то тянуло гарью. Запах вызывал тошноту. Хотя тошнило меня, скорее всего, от нестерпимой головной боли. Каждое движение отдавалось стуками миллиона молоточков где-то в подкорке мозга. Даже держать глаза открытыми было больно.

Что за тряпку повесила над моей кроватью мама? А главное, зачем?! И чем это так противно воняет?

Превозмогая дурноту, я села в кровати, которая... была вовсе не моей! Боясь шевелиться и предпринимать что-то дальше, я напрягла мозг. Вчера родители отмечали серебряную свадьбу. Гостей пригласили в ресторан. Отлично помню, как все поздравляли юбиляров, пили, ели, танцевали... Танцы! Что-то необычное произошло со мной именно тогда, когда все ушли танцевать. Вот тут я и вспомнила клубящийся белый туман и выступающую из него нереально красивую женщину. А дальше шли провал и адская головная боль, которая постоянно напоминала о себе нестерпимыми приступами. Мутило все сильнее, и съеденное вчера на вечере ак-

тивно просилось наружу.

Когда терпеть тошноту уже стало невозможно, соскочила с кровати и помчалась в уборную, очень надеясь, что она тут есть. Если ее нет, то пусть хозяева этого помещения пеняют на себя. За первой же дверью, на которую я наткнулась буквально через пару шагов, оказался обычный унитаз, не отличающийся чистотой, и что-то типа душевой с болтающейся на ржавых кольцах клеенкой. Но все это я рассмотрела чуть позже, когда как следует прочистила желудок.

Сараюга какая-то! Я стояла посреди тесной уборной. Стены и пол выложены были, когда-то, наверное, белой плиткой. Сейчас она отливала всеми оттенками серого, что, скорее всего, являлось грязью. Раковины тут не было, пришлось, поборов брезгливость, воспользоваться душем, чтобы умыться. Таких допотопных душевых с углублением в полу для слива воды и торчащей из стены грязной трубой с тремя отверстиями я тоже отродясь не видела. Деревянная дверь едва держалась на расшатанных петлях, болталась под порывами сквозняка и постоянно скрипела. Дуло так сильно из вентиляции, которая была тоже ничем иным, как чернеющим отверстием под потолком.

Ноги на ледяном полу совершенно заоченели. Интересно, куда подевалась моя обувь? Ладно, хоть одежду с меня не сняли и на том спасибо. Я все еще была в праздничном наряде, изрядно помятом. Да и на колготках расплзлись несколько жирных стрелок. Пришлось снять их и бросит в

помойное ведро, которое на мое счастье оказалось пустым, но тоже ржавым. Все у них тут что ли такое?

Головная боль немного притупилась, чему я была несказанно рада. Покинув уборную, я рассматривала комнату, вернее, комнатуху, не больше четырех квадратных метров. Из всей мебели тут были только узкая кровать с продавленным матрасом и сероватыми простынями (оставалось надеяться, что они чистые) и покосившийся табурет, на который я бы не рискнула сесть. Чадил и вонял факел на стене. Он же освещал каморку, как я тут же прозвала свое убежище.

Рядом с туалетной находилась еще одна дверь. Но тут меня ждало разочарование. Эта дверь оказалась намного прочнее первой, не болталась, не скрипела и было крепко заперта. Получается, что оказалась я тут не случайно. Выходит, я пленница, раз меня поместили под замок.

Огонь факела трепыхался на сквозняке, который разве что не завывал в каморке. Тонкий жакет не спасал. Я забралась с ногами на кровать и закуталась в выдавшие виды одеяло. Попутно разглядела балдахин, которым оказался кусок марли уже привычно серый. Стоило только подумать, для чего он тут натянут, как я сразу же получила ответ на этот вопрос. Откуда ни возьмись комнату наполнили мелкие насекомые. Не успей я задернуть марлю, они, наверное, облепили бы меня всю. С ужасом смотрела, как они тычутся в слабую преграду, облепляя ее снаружи. Господи! Куда я попала?! И не сожрут ли меня тут заживо?

Через несколько минут насекомые испарились, как по волшебству. Только что балдахин был черным от их засилья, как в комнате не осталось ни одного кровососа (ну мне так почему-то казалось, что это какая-то разновидность комаров).

Я рискнула выбраться из убежища, опасаясь нового нашествия и не зная, когда его ожидать. Остаться и дальше в неведении не могла. Подошла к двери и принялась колотить в нее ногой.

– Эй, есть тут кто?.. Выпустите меня из этого сарая...

Эту реплику я что есть мочи прокричала несколько раз, старательно игнорируя природную стеснительность. Никогда еще раньше так не вопила о помощи и спасении. Но мне необходимо выбраться отсюда. Родители, наверное, сходят с ума. Вряд ли их кто-то предупредил о моем похищении. Я даже не знаю, сколько времени провела тут, будучи без сознания, ну или крепко спящая. Только что-то мне подсказывало, что тут не обошлось без какого-то снотворного. А иначе, почему трещит голова? Сейчас я уже отчетливо вспомнила, что бокал вина на вечере был единственным.

На мой призыв никто не откликнулся. Закончилось все тем, что я хорошенько отбила себе ногу, совершенно закончела на сквозняке и метнулась обратно в кровать, глотая горькие слезы. Что-что, а это дело у меня всегда было рядом, никогда не отличалась стойкостью, малейший стресс приводил к панике. А положение, в котором оказалась сейчас, я

даже не знала, как назвать. Голова шла кругом от непонимания происходящего.

Снова сильно разболелась голова. Да и нашествие насекомых повторилось. Напугало оно меня не меньше первого и натолкнуло на мысль, что их прилет носит кратковременный и хаотичный характер. Нужно всегда быть начеку. Подоткнув балдахин как следует под матрас, я еще плотнее закуталась в одеяло и прилегла на жидкую подушку. Нужно поспать, пока есть возможность. Что-то мне подсказывало, что скоро и таковой не будет.

Очнулась я от ледяного прикосновения. Кажется, на смену головной боли пришла лихорадка, потому что стоило открыть глаза, как я поняла, что трясусь всем телом, даже зубы выколачивают барабанную дробь. Не сразу поняла, что рядом с кроватью кто-то стоит. А когда разглядела вчерашнюю незнакомку, буквально подскочила на ложе.

– Кто вы и что вам от меня нужно? – выпалила, даже не успев сообразить.

Как же она красива! Невольно залюбовалась стройным станом женщины, одетой в полупрозрачное длинное платье, которое больше показывало, чем скрывало. Впрочем, там было на что посмотреть – формы ее поражали идеальностью. А на ярко-рыжие, светящиеся золотом, волосы, даже глядеть было больно. Да и неестественное свечение, что окутывало ее фигуру, слепило яркостью.

– Нравлюсь? – холодно усмехнулась она одними губами.

При этом ее зеленые глаза не поменяли выражения – она все так же внимательно продолжала меня разглядывать.

Тут уже и я пришла в себя, поняв, что вместо того, чтобы возмущаться, продолжаю восхищенно на нее пялиться.

– Вы не ответили на мой вопрос, – упрямо пробормотала, отводя глаза в сторону. Совершенно не вовремя накатило стеснение.

– Я дух этого места.

Голос ее глухо прокатился по крохотному помещению и застрял где-то складках балдахина.

– Дух? – как попугай переспросила я, чувствуя, как все больше тупею от подкрадывающегося страха. – Вы?..

– Мертвая, – кивнула она и снова усмехнулась одними губами. – Мертвая, но неуспокоенная, вынужденная скитаться, пока не отомщу.

Постепенно до меня начинало доходить, что передо мной находится настоящий призрак. От этой мысли даже волосы на голове зашевелились от ужаса, а дар речи пропал окончательно. Только и могла, что таращиться на нее во все глаза и сжимать покрепче губы, чтобы не дрожали.

– Вот, значит, ты какая, дочь Андрея? – нараспев произнесла дух, еще приблизившись к кровати. На меня повеяло такой стужей, что зубы вновь застучали друг о друга, а из глаз непроизвольно снова потекли слезы. – Глупенькая какая-то...

Думай обо мне что хочешь, только отпусти поскорее! –

едва не взмолилась я. Да так и сделала бы, если смогла заговорить. Стоп! Что она только что сказала? Дочь Андрея? Уж не отца ли она имеет в виду? Это мысль заставила мысли завертеться в голове, а уста разомкнуться для очередного вопроса:

– Какого Андрея?

– Отца твоего, какого же еще?

– А причем тут папа?

– По его вине я такая, какой ты меня сейчас видишь.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я самой себе, уткнувшись взглядом в одеяло.

– Конечно, не понимаешь. Ведь от тебя все старательно скрывали. Чтобы не дай бог драгоценное чадо не узнало правду.

Я снова посмотрела на нее и испугалась – такая неприкрытая злоба читалась сейчас в ее глазах. Кажется, речь шла о той части жизни отца с матерью, про которую я ничего не знала. А ведь вчера мама все хотела рассказать! Было бы мне сейчас легче, знай я правду? По глазам духа я поняла, что нет. И еще осознала, что пощады мне ждать неоткуда.

– Так даже лучше, – тряхнула она головой, и получилось у нее это, как у нормальной живой женщины, но только чем-то или кем-то сильно обиженной. – Твоя жизнь с сегодняшнего дня превратится в ад. Чем хуже будет тебе, тем больше будет страдать твой отец, и тем сильнее буду становиться я. Когда с вами будет покончено, я, наконец-то, смогу покинуть это

ненавистное место.

Слова ее звучали как пророчество в повисшей тишине. Я уже не чувствовала внешнего холода, словно весь он пробрался ко мне внутрь.

– Встань! – властно велела она.

Даже если бы хотела, подчиниться не смогла бы, тело отказывалось повиноваться. Тогда дух подняла руки и взмахнула ими. Меня моментально подбросило в воздух и поставило на ноги. Балансируя на кровати, я пыталась удержать очки, но они все же упали. А так как в комнате было сумеречно, разглядеть куда я не смогла. Теперь я стояла перед ней почти совершенно слепая.

– Подайте, пожалуйста, очки, – попросила я дрожащим от страха и беспомощности голосом.

– И не подумаю. Без них ты куда как интереснее. Раздевайся.

– Что? – выдохнула я, уставившись на яркое пятно, в которое превратилась для меня дух.

– Забыла, что ты плохо соображаешь, – выплюнула она.

Не знаю точно, что произошло дальше, только осталась я перед этой неживой стервой в чем мать родила. Наверное, опять какое-то колдовство ко мне применила.

– Вы извращенка? – пискнула я, пытаюсь прикрыться руками и чувствуя, как все тело покрывается мурашками.

В комнате повисла тишина. Какая-то сила заставила меня вытянуть руки по швам. Стояла, ослепшая, ни жива ни

мертва, окутанная замогильным холодом. По всей видимости, меня внимательно рассматривали. Утверждать ничего не могла, потому что окончательно отупела от стужи и страха. Когда дух заговорила, и холод отступил, я даже выдохнула с облегчением.

– Слишком худая, но что-то в тебе есть... Очки уродуют, но с этим мы разберемся...

Она разговаривала словно сама с собой. Я же мечтала об одном – поскорее перестать чувствовать себя подопытной мышкой.

– Можно мне одеться и найти очки? – с вызовом спросила я. К тому моменту мне уже плевать было, перед кем нахожусь. Унижение родило в душе злость, которая и придавала храбрости.

– Не спеши...

Если до этого я хоть светящееся пятно видела перед собой, то в следующий момент на мои глаза словно наложили повязку. Снова почувствовала запах ландышей, который отчетливо напомнил вчерашний банкет.

– Что про?..

Договорить я не успела, потому что онемела от изумления. Я видела даже лучше, чем до этого в очках, хоть их на мне сейчас и не было. В мельчайших подробностях могла рассмотреть женщину, стоящую передо мной, и даже при желании пересчитать ее гладко зачесанные волосы.

– Как ощущения? – равнодушно поинтересовалась она, не

глядя на меня, о чем-то размышляя.

– Хорошо, спасибо!

– Не благодари! – вскинула она глаза, в которых уже снова разгоралась злоба. – Это не подарок! Ты должна быть привлекательной, а очки этому мешали.

– Привлекательной? Но зачем?

Я понимала все меньше. Она меня, ну или папу, за что-то ненавидит настолько, что хочет видеть меня красивой. Абсурд какой-то.

– Не напрягайся. Умнее не станешь, – скривилась она. – У тебя будет специальная роль, в спектакле, который станет для тебя последним.

Да у меня и первого еще не было, – хотела сыронизировать. Вовремя осмыслила, что ирония будет выглядеть, мягко говоря, не к месту. Со мной что-то собирались сделать, что, судя по всему, приведет меня к гибели. По крайней мере, именно на это дух не единожды намекнула.

– Я умру? – решила спросить ее в лоб.

– Не сейчас. Ты умрешь тогда, когда будешь молить меня об этом, когда жизнь тебе станет настолько немила, что ты будешь мечтать расстаться с ней. Твое сердце будет так же кровоточить, как когда-то мое, и смерть твоя будет мучительной, от разбитого сердца.

Дикость какая-то! Нормальная ли она? Ну и что, что дух. Говорить такую чушь... Я не верила в смерть от разбитого сердца. Даже когда читала про душевные муки, посмеива-

лась втихомолку, списывала все на больную фантазию автора. Интересно, духи бывают сумасшедшими?

– Можно мне все же для начала одеться? – снова спросила я, чувствуя, что замерзаю окончательно.

Кроме того, до такой степени уже было противно, что кто-то разглядывает меня голой, что готова была сделать это без разрешения. Но сделать мне этого не позволили. Как только я нагнулась за своими вещами, в комнате раздался гул. Сначала приглушенный, но постепенно он нарастал все сильнее, пока не загудел прямо у меня в ушах, причиняя нестерпимую боль. Я упала на кровать и скрючилась, не в силах выносить эти мучения. Краем сознания улавливала слова, что звучали все громче, сливаясь с гулом.

– Ты будешь желанная всеми, кроме одного. Тебя будут хотеть, но получить не смогут. Тебя будут ненавидеть и хотеть убить. Ты же будешь любить того единственного, кто не захочет тебя...

Она повторяла это бесконечное количество раз, пока мне не начало казаться, что схожу с ума. Я уже не понимала, где нахожусь, что делаю, кто рядом... Кровать вибрировала подо мной, словно того и гляди земля разверзнется и похоронит меня в своей толще.

Все закончилось внезапно. Тишина повисла звенящая. В полном изнеможении я лежала на кровати. Не могла не то чтобы пошевелиться, даже открыть глаза не было сил. Равнодушная мысль ковырнула в голове: «Интересно, чем сей-

час занята дух? Все продолжает разглядывать меня?» Но в данный момент мне было глубоко на это плевать. Даже если бы тут собралось несколько десятков духов, я бы и на это не отреагировала. Из меня словно высосали все силы. Так я и уснула, не меняя позы.

– Ненормальная! – возглас ворвался в дремлющее сознание, как слепящий луч света в кромешную тьму. – Что же ты творишь?!

Я приоткрыла глаза и разглядела пухлую девушку, лихорадочно расправляющую марлю над моей кроватью и проворно забирающуюся на ложе с ногами прямо в ботинках, как успела заметить.

– Фух, успела, – отдувалась она, с осуждением глядя на меня. – Хочешь быть съеденной заживо?

Я пыталась хоть что-то сообразить. Получалось плохо. Сидела на кровати и тупо таранилась на девушку, которая продолжала возмущенно отдуваться, расправляя складки на платье и усаживаясь поудобнее.

– Ну, что смотришь?! – нахмурилась она. – А вот и они, – оглянулась она на дверь.

Вот тут я все вспомнила, стоило увидеть черное облако из мелких тварей, облепляющее балдахин и тычущее в него свои хоботки. Оглянулась в поисках духа и, конечно же, не увидела ее. Перевела взгляд на свои ноги и остолбенела. Вместо моей привычной одежды на меня напялили обтягивающий костюм ярко-оранжевого цвета. Он обрисовы-

вал все изгибы моего тела, был словно вторая кожа. Стыдно какой!

– Мерзавка! – выругалась я.

– Чего?! Хорошенькая благодарность за спасение от смерти, – надулась девушка.

– Это я не тебе.

– А кому?..

Теперь она уже смотрела на меня с подозрением, почему-то косясь мне за спину, словно там кто-то мог спрятаться.

– Неважно, – отмахнулась я, стараясь натянуть на лицо смешливое выражение.

По всей видимости, получилось у меня сотворить какой-то оскал, потому что девушка даже попятилась, и глаза ее стали размером с пятирублевую монету.

– Ты это... – пробормотала она, явно мечтая поскорее убраться отсюда. – Меня послали предупредить, что скоро твой выход.

– Какой еще выход?

– Ну как же?.. Ты ведь новая танцовщица. Сегодня суббота – для господ устраивается концерт. Твой номер после Сайки.

Глава 3

– Кто танцовщица?

Теперь, наверное, мои глаза напоминали маленькие блюдца.

– Ты.

– Я?!

Да я даже танцами никогда не занималась! Она ненормальная? О чем она тут говорит?

– Слушай... – начала было я, но меня грубо перебили:

– Некогда мне тут с тобой, – воскликнула девушка, вглядываясь в балдахин. – Кажись, улетели. Ты это... давай-ка повнимательнее. Наши комнаты – забытая богом и господами территория. Мухи налетают постоянно. Не успеешь спрятаться, искусают, разве что не до смерти. Странно, что тебя не предупредили...

Она уже слезла с кровати и собралась выйти.

– Постой! – запаниковала я. – А мне что делать?

– Так ясно что. Поднимай свою задницу и топай в гримерку, – пожала она плечами.

– Подожди, я с тобой, – проворно прыгнула я с кровати тоже.

– Ух ты! – присвистнула девушка, обходя меня по кругу. – Да ты настоящая красотка! Сайка и Мальва сойдут с ума от зависти, – хихикнула она. – Пошли, а то я на кухню опазды-

ваю. Кира будет сердиться. По дороге поговорим...

Она поспешила за дверь, а я посеменила за ней. За дверью начинался коридор – темный, узкий, с низкими потолками. Казалось, они лежат прямо у нас на головах. Девчушка побежала, и я за ней. Лишь когда коридор остался за закрытой дверью, она перевела дух.

– Все, тут мух нет. Тут начинается господская территория, – объяснила она. – Меня, кстати, Сусанной зовут, для своих Анна, Аня. Я горничная, помогаю танцовщицам. А тебя как?

– Маруся, – машинально представилась я, озираясь по сторонам.

Стоило только нам покинуть коридор, как мы словно в другом мире оказались. В просторном холле пол, стены и потолок блестели позолотой. Точечные светильники заливали пространство мягким теплым светом. Вдоль стен были расставлены обитые черным бархатом массивные кресла. Из холла вели несколько дверей.

– Тебе туда, – указала Анна на ту, что располагалась на противоположной стене. – А мне сюда, – кивнула она налево. – Давай, пока. Удачи на дебюте.

И была такова. Только я собиралась засыпать ее вопросами, как она уже юркнула за дверь. А дальше что? Мне-то что делать? Я стояла и беспомощно озиралась. Идти в гримерку мне как-то совершенно не хотелось, а вот удрать подальше отсюда обуяло просто дикое желание.

Кроме той двери, за которой скрылась Аня, и двери напротив в холле имелись еще две – одна на правой от меня стене, другая – на левой. Какая-то из них должна привести меня к выходу. Я выбрала правую и бодро зашагала к ней. Но не успела сделать и двух шагов, как она сама вдруг распахнулась, впуская уже не молодую, но очень роскошную женщину. Именно роскошную. Ее темно-бордовое велюровое платье в пол как нельзя выгоднее подчеркивало преимущества слегка располневшей фигуры и скрывало все недостатки, если таковые имелись. Отливающие фиолетовым волосы были собраны в высокую прическу и украшены тиарой, сверкающей камнями. Что-то мне подсказывало, что это не просто стекляшки. Не иначе передо мной сама королева, так гордо она несла свою голову. А вот прищур ее карих глаз мне совсем не понравился.

– Вот ты где? – сурово сдвинула она брови, направляясь в мою сторону. – Марш в примерку!

– И не подумая! – встала я в позу. – Кто вы такая, чтобы мне приказывать?!

Откуда только взялась храбрость? Обычно я сильно тушуюсь перед напором более сильного. А в том, что эта дама гораздо сильнее меня, я не сомневалась. Но сейчас, видно, абсурдность ситуации придавала смелости.

– Так-так-так... Без году неделя, а уже показываешь зубки? – усмехнулась она. – Ну что ж, и это тебе тут пригодится. Я – мадам Виолетта. А ты?..

– Маруся, – буркнула я и тут же вздрогнула от заливистого смеха.

Однако, смеялась эта мадам. Интересно, что такого смешного я сказала.

– Маруся? – отсмеявшись, переспросила она. – Будешь Марой. Смотри, девицам не ляпни свое настоящее имя. Станешь посмешищем. А теперь пойдем.

Она крепко взяла меня за руку и повела за собой. Незвестно отчего, но рядом с ней я не так боялась, появилось какое-то чувство защищенности.

Возле двери мадам остановилась и повернулась ко мне. В глазах ее мелькнуло сочувствие, или мне это могло показаться. Только заговорила она торопливо и серьезно:

– Что бы не происходило, старайся сохранять спокойствие. Вижу, что ты не нашего поля ягода, но выхода у тебя нет – придется танцевать. Девушки у нас разные, всякое бывает... постараюсь не давать тебя в обиду, но я не всегда тут...

Больше она ничего не сказала, распахнула дверь и подтолкнула меня внутрь типичной гримерной с туалетными столиками вдоль стен и удушливым запахом парфюма. И хоть я никогда не была в таких местах живьем, но часто видела их по телевизору и представляла именно такими.

– Девушки! – хлопнула мадам в ладоши, приковывая к нам внимание нескольких пар глаз. От растерянности я пока не сообразила, сколько человек находятся в помещении. –

Встречайте Мару. Стелла, иди сюда. Помоги ей с мейкапом по-быстрому. Скоро ее выход. Кто на сцене?.. – обратилась она уже к кому-то другому, а меня утатила к столу субтильная брюнетка в костюме еще более откровенном, чем мой. У меня хоть все тело было обтянуто тканью. У нее же прикрытыми были только грудь и срамное место.

Стоило мне увидеть себя в зеркале, как я совершенно потерялась. Это не я! Вернее, все оставалось моим – и лицо, и волосы... Но в то же время, изменилось. Не могла сообразить, что произошло, но видела в зеркале красавицу, каковой никогда себя не считала. Живой, яркой, взрослой. Возможно, еще и потому что никогда не уделяла должного внимания своей внешности, и моя красота как будто спала. Словно я каждый день в течение месяца навещала косметолога, пока не превратилась в одну из самых ухоженных дам. И, кажется, мы похожи – я и мой таинственный призрак? Цвет волос и глаз немного совпадают, хотя оттенок разный. У меня волосы ярче, а глаза светлее. Пусть и размытое, но очевидное сходство пугало. Я все больше запутывалась в этой истории и вопросах, которых становилось все больше, а ответы только предстояло найти.

– Тебе не нужна боевая раскраска, – тихо проговорила Стелла, повернув меня лицом к свету и бегло осмотрев его. – Немного тона, оттеним глаза и поярче накрасим губы. Сиди, не двигайся...

Не больше пяти минут она колдовала надо мной, а потом

я и вовсе себя не узнала, потому что косметикой практически не пользовалась. А сейчас на меня из зеркала смотрела девушка с кошачьими глазами и ярко-алыми губами.

– Не слишком ярко? – указала я на губы.

– Самый раз. Наши самцы любят ярких женщин.

Только тут я до конца осознала, что происходит, через что мне предстоит пройти. Наверное, я побледнела, потому что Стелла переполошилась:

– Ты чего это, а? – она схватила салфетку и промокнула мой вмиг повлажневший лоб. – Паника? – шепнула на ухо. – Не показывай. Видишь тех? – кивнула она куда-то в сторону.

Я на автопилоте, уже практически ничего не соображая, проследила за ее взглядом. Лучше бы я этого не делала, потому что в следующее мгновение наткнулась на два злобных буравчика. На меня смотрела высокая блондинка, красивая и наглая. Одета она была примерно так же, как Стелла, только смотрелась намного вульгарнее. Рядом с ней стояла коренастая коротко-стриженная атлетка. Ей бы диски ворочать или ядра метать, а никак не танцевать. Блондинка что-то шепнула той на ухо, и обе они противненько захихикали. В этот момент я поняла, что у меня есть враги. Осталось еще понять, что плохого я успела им сделать.

– Не смотри на них, – снова привлекла мое внимание Стелла. – Покажешь слабость сожрут с потрохами. Они тут звезды, а мы так...

Конечно же, я струхнула еще сильнее. Но и злость в душе

всколыхнулась, уравнивавшая трусость. Только вот проанализировать глубже свое внутреннее состояние я не успела. Распахнулась дверь, и в гримерку в буквальном смысле ввалилась еще одна девушка. Эта вообще была топлес. Она вся тряслась и чуть не плакала.

– Дело дрянь, – сжала губы Стелла. – Раз заставляют раздеваться, значит, сегодня день самцов.

И тут мне не дали даже слова вставить.

– Твой выход, – подошла ко мне мадам Виолетта. – Держись, девочка. Дальше будет легче, – шепнула она мне на ухо и пожала руку.

Через узкий темный коридор она меня практически тащила. Потом куда-то вытолкнула, и в первый момент я совершенно ослепла от ярких софитов. Что находилось за сценой я почти не видела. Смутно улавливала какие-то разговоры и движения. В ушах пульсировала кровь. Я не только ослепла, но еще и оглохла.

Заиграла музыка, в меру ритмичная и очень красивая. И я затанцевала! Я танцую?! Быть этого не может! Я двигалась в такт музыке, изгибалась словно змея, проводила руками по телу, закидывала назад голову... Обнимала шест, широко расставляя ноги, перекатывалась по полу. Я ли это?!

Музыка звучала все неистовее, мои движения становились все раскованнее. Все внутри меня восставало против подобной распушенности. Но никакие мысленные приказы не действовали. Мое тело жило собственной жизнью.

Ни аплодисментов, ни каких-то других звуков я не услышала, когда смолкла музыка. С завершением танца ко мне вернулась реальность. Я стояла ни жива, ни мертва, боясь пошевелиться. Понимала, что нужно покинуть сцену, улавливала движение за кулисами, но ничего не могла поделать. Взгляд мой был устремлен в темнеющий зал, в одну точку. Я даже не сомневалась, что смотрю сейчас в чьи-то глаза. А потом у меня в голове прозвучал голос. Всего одно слово было произнесено – «Разденься», но этого хватило, чтобы ноги мои подкосились, и накрыла спасительная пустота.

– Давай, девочка, очнись... Открой глаза!

Шлепки по щекам чередовали один другой. Лицо уже горело, словно его окунули в кипяток, но сознание все продолжало уплывать. Стоило мне вынырнуть, как снова проваливалась в небытие.

– Вот. Уже лучше, – снова услышала я голос, когда дернулась от чего-то резко пахнущего и крайне противного. – Посмотри на меня.

На этот раз я смогла сфокусировать взгляд и разглядеть мадам Виолетту.

– Ты нас напугала, – сурово выговаривала она, хоть и не выглядела сердитой.

Мы находились не в гримерке и не в моей камерке, как смогла определить в слабой попытке осмотреться. Комната была тоже небольшой, но гораздо более уютной.

– Ты у меня, не пугайся, – кивнула мадам. – Что произошло? Ты отлично станцевала, а потом?..

– Я не знаю.

Почему-то рассказывать ей о мысленном приказе я не хотела.

– Мне нужно домой, – простонала я, пытаюсь сесть.

– Лежи, – вернула она меня в горизонтальное положение. – Ты еще слаба.

А потом так горестно вздохнула и посмотрела на меня печальными глазами старухи. В этот момент я подумала, что она гораздо старше, чем выглядит.

– Отсюда не возвращаются, – проговорила она.

– Но я тут по ошибке, – всхлипнула я.

– А кто заслужил подобное? Думаешь, я тут по своей воле вот уже сколько лет? – она вздохнула и погладила меня по щеке. – Смирись девочка, если не хочешь сделать свою жизнь здесь невыносимой.

– А где я вообще? – осенило меня.

Себе я задавала этот вопрос не раз, но вот спросить еще у кого-то возможности не было. Противная дух мне на него так и не ответила. Мадам Виолетта тоже долго молчала, рассматривая меня, словно взвешивала, что можно говорить, а о чем стоит умолчать. У меня же в голове не задерживалось вообще ни одной путевой мысли. Кроме единственной, что все это как-то связано с моими родителями, с их тайной.

– Ты в клане пятнистых медведей, – наконец, заговорила

она, но снова замолчала, оценивая мою реакцию на сообщение.

А что я могла сказать? Почему-то в тот момент мне вообще стало смешно, и губы сами расплзлись в глупой улыбке, отчего лицо мадам стало еще более скорбным.

– Никогда не слышала про них? – уточнила она.

– Это секта какая-то?

– Не слышала, значит... – пробормотала она уже самой себе. – Это очень могущественная организация. Здесь царят свои законы и правила, которые нельзя нарушать, – медленно говорила она, взвешивая каждое слово. – Случайные люди сюда не попадают. А кто оказывается здесь, уже не вправе покидать их территорию, если, конечно, их не отпускает сам вожак клана. Но такое случается редко. Поэтому я и говорю, смирись со своей участью и постарайся тут жить нормально. Со временем, если добьешься уважения, жить тут тебе станет намного легче. Я же живу... – обвела она взглядом комнату, словно в ней и заключалась вся ее жизнь.

– А вы тут давно? – решила уточнить, сама не зная зачем.

– С детства. Мне было семь лет, когда медведи привели меня сюда. Какое-то время я росла вместе с их детьми, а потом меня обучили танцам. Оказалось, у меня к ним талант, – улыбнулась она. – Ну а когда для танцев я уже стала стара, перевели на руководящую должность.

– А семья? Своя семья у вас есть?

Улыбка тут же сползла с ее лица. Ее сменила маска высо-

комерия.

— Заболтались мы что-то, — резко произнесла она и встала с кровати. — Если тебе полегче, ступай к себе. Завтра с утра репетиции, потом процедуры, а вечером приватные выступления. Не факт, что тебя пригласят, но наготове быть ты обязана.

Я поняла, что разговор окончен. Мадам стояла возле двери и ждала, когда я встану и уйду. Мне же было обидно. Что я такого сказала? Спросила про семью? Так это нормальный вопрос. Наверное... Если, конечно, у того, кого спрашивают, нормальная жизнь. В последнем я очень сомневалась.

Мне объяснили, как попасть в свою комнату и вежливо выпроводили за дверь. На пути к тому самому холлу, откуда и начинался коридор к моей комнате, я никого не встретила. В холле остановилась и задумалась. От голода меня уже вовсю мутило. Странно, что такая вещь, как необходимость пропитания, никому не пришла тут в голову. Может, они и насыщаются воздухом, но лично я со вчерашнего дня ничего не ела. А уже наступил вечер следующего дня. Если я сейчас не закину что-нибудь в рот, то вряд ли дотяну до завтра.

Взгляд упал на дверь, за которой скрылась Анна. Кажется, она что-то говорила про кухню. Значит, эта дверь, скорее всего, приведет меня туда. Я не ошиблась. Миновав очередной узкий коридор, я попала в просторную кухню, оборудованную по последнему слову моды и техники. Все глянцевые поверхности тут блестели чистотой. В первый момент я да-

же растерялась от подобной стерильности. Но потом взгляд мой упал на два огромных промышленных холодильника, и голод заявил о себе с новой силой.

Чего там только не было! Мясо копченое, тушеное, жареное, свежие овощи на любой вкус, напитки, какие душе угодно... Да тут обитают настоящие чревоугодники!

Справедливо рассудив, что если немного возьму себе, никто и не заметит, я достала свиной окорок, сыр, майонез и помидоры. Соорудила себе несколько сэндвичей, налила полный стакан молока и забралась на высокий табурет.

Правду говорят, что на сытый желудок думается совсем по-другому. После первого съеденного сэндвича я попыталась проанализировать ситуацию. Задумалась и поняла, что сама не верю в происходящее. Красавица-дух, клан каких-то там медведей, я, танцующая на подиуме... Все это не могло происходить в реальности! Даже в детстве, слушая сказки, я не верила в них, поэтому и сейчас искала всему логическое объяснение.

Что если дух – это вовсе не дух, а обычная ненормальная, размышляла я, вгрызаясь во второй сэндвич и стараясь не подпускать близко панику. Я же слепо поверила ее словам, даже не потрудившись убедиться в ее правоте. Возможно, она воспользовалась моментом, когда на банкете рядом со мной никого не оказалось, и выкрала меня, одурманив каким-то сильным наркотиком. Отсюда и головная боль при пробуждении. Дальше пошли эти декорации, в виде замыз-

ганного балдахина и нашествия мух. Что ж, при желании и это можно устроить. Нанятые актеры, в лице Анны, мадам Виолетты, девушек в гримерке... Опять же, зрителей в зале я не видела, а потом и вовсе грохнулась в обморок. Ну что ж, пока мысли текут плавно.

Впрочем, радовалась я не долго. Стоило только налить второй стакан молока и надкусить третий сэндвич, я задумалась, кто я такая, чтобы ради меня нести такие затраты? Ведь все эти декорации должны очень дорого стоить. Семья моя тоже среднестатистическая, похищать дочь ради выкупа даже в голову никому не придет. Но самое главное – как объяснить тот факт, что танцевала я на сцене, как заправская танцовщица? Такое даже под действием сильнодействующего наркотика без специальной подготовки не выразишь. Вот тут я отложила сэндвич и подперла рукой голову. Паззл не складывался, картинка не прорисовывалась. Доля нереального во всем, что со мной произошло, оставалась очень даже внушительная.

Свет в кухне погас на секунду, а потом принялся мигать. Я вцепилась в столешницу, чтобы от страха не упасть с табурета. В следующее мгновение раздался хохот – издевательский и какой-то дикий. Я принялась озираться, пока не поняла, что слышу его только я, что звучит он исключительно в моей голове. Продлись он чуть дольше, наверное, сошла бы с ума. Когда звуки внутри меня стихли, еще одна частица паззла вылетела из общей картинки. Я была уверена, что

сейчас надо мной потешалась дух, что она смогла прочесть все мои рационалистические мысли.

Аппетит пропал окончательно. А может я просто насытилась уже. Только собралась замести следы своего пребывания на кухне, как из коридора до меня донеслись шорох и кряхтение. Прокравшись к двери, я тихонько приоткрыла ее, чтобы образовалась малюсенькая щель. И вот тут мне стало совсем плохо, даже ноги мелко задрожали. В мою сторону шел огромный самый настоящий медведь. Пасть его была приоткрыта, и из нее выглядывал розовый язык. Он загребал передними лапами и все приближался.

Глава 4

Каким-то чудом, ничего не соображая от страха, я протиснулась в угол между разделочным столом и холодильником. Сидела, боясь даже дышать. Слышала, как с еле различимым скрипом отворяется дверь, как мягко ступают лапы животного по плиточному полу, как оно приглушенно рычит и втягивает носом воздух... Звуки все приближались, и я начала прощаться с жизнью. Ведь если не убьет сразу, потому что не сможет пролезть в мое убежище, так уж точно искромсает когтями в попытке достать меня.

Звуки изменились. Звякнуло стекло, что-то проехалось по столу. Медведь решил отведать того, что я не успела убрать? Шальная мысль, что он гораздо умнее своих собратьев, закралась в голову, внушая нелепую надежду на спасение. Когда услышала вполне человеческие шаги и демонстративное покашливание, то и вовсе растерялась. Медведь явился с дрессировщиком?

– Кто тут? – прозвучал мужской голос. – Выходи, иначе хуже будет.

В голосе звучали угроза и настороженность. Он шел в мою сторону, безошибочно определив направление.

Когда взору моему предстал высокий мужчина, голый по пояс, в кожаных штанах до колена, я обомлела. С моей точки зрения он был совершенством мужской красоты. Широ-

кие плечи, узкий таз, рельефные мышцы, загар, словно только что вернулся с Канар... Каштановые волнистые волосы струились по шее, спадая на плечи, обрамляли умный широкий лоб, оттеняли шоколадного цвета глаза. Чувственные губы уже подрагивали в улыбке. Не портил картину даже левой подбородок, который слабо вписывался в общий образ. Я рассматривала его, забыв о страхе. Сроду не встречала таких красавчиков!

– Ты кто такая? – рассмеялся он, а я чуть не потеряла сознание от восхищения.

Улыбка до того ему шла, совершенно преображая лицо, делая его озорным, мальчишечьим, показывая две очаровательные ямочки на щеках. Бедное мое сердце! Кажется, тебя похитили молниеносно, забыв спросить разрешение.

– Маруся, – пролепетала я совершенно сиплым голосом.

– Как? – присел он на корточки рядом с щелью.

Мелькнула мысль, что ни за что не выберусь назад, такой щель сейчас казалась мне узкой.

– Маруся, – откашлялась я.

– И кто ты, Маруся? Почему прячешься здесь? – снова рассмеялся он.

– Испугалась медведя, – снова пискнула я, не узнавая собственный голос.

– Ах это... Ну их можешь не бояться. Эти твари очень умны, – подмигнул он мне. – Давай руку, помогу тебе выбраться.

Он протянул мне руку, и я доверчиво вложила в нее свою, чувствуя, как приятное тепло его ладони разливается по всему телу, млея от непонятных ощущений. Такого мне раньше не доводилось испытывать.

Дальше все осложнилось тем, что выбраться я не смогла, как и предполагала. Пришлось ему отодвигать разделочный стол, чтобы освободить меня из добровольного заточения. Я же посмотрела еще одно захватывающее короткометражное кино, наблюдая, как наливаются его мышцы силой, с какой легкостью он ворочает тяжести. Да он настоящий богатырь!

– Я помешал твоей трапезе? – окинул он взглядом остатки моего пиршества и приглашая продолжить.

Я же в то время была занята поисками медведя. Его нигде не было. Не мог же он спрятаться так, чтобы я его не видела! Или мог?

– Чего ты ищешь? – удивился мой новый знакомый, вернее, пока еще незнакомец. Но в том, что наше знакомство – дело времени, я не сомневалась. Более того, хотела этого ужасно. К этому мужчине меня тянуло, словно магнитом.

– Медведя. Куда он делся?

Сейчас я уже не боялась зверя, ни секунды не сомневаясь, что этот красавчик сможет меня защитить.

– Ушел. Я прогнал его вот этим, – рассмеялся он, хватая кочергу, прислоненную к камину.

И тут я заметила, как он меня рассматривает. Взгляд его беззастенчиво скользил по моему телу, затормаживая на са-

мых пикантных местах. Как назло, соски решили встопорщиться, и я с ужасом заметила, как они выделяются под обтягивающей тканью. Моментально меня бросило в жар, лицо запылало нестерпимо, а в ушах запульсировала кровь. Ничего себе реакция! Такого стыда я тоже никогда раньше не испытывала. Нестерпимо хотелось прикрыться, но я боялась еще больше привлечь к себе внимание.

– Ты – новая танцовщица, – наконец, заговорил он, возвращаясь к моим глазам. – Я вспомнил тебя, видел сегодня на шоу. Правда вблизи ты выглядишь несколько иначе.

– Да? – только и нашлась с ответом.

– Угу, – кивнул он и приблизился ко мне на несколько шагов. – Младше и красивее, – прошептал, поднимая мое лицо за подбородок и приближая к нему свое.

Я уловила его горячее дыхание на своих губах и закрыла глаза в ожидании поцелуя. Но ничего не произошло. Когда он выпустил мой подбородок, я открыла глаза, борясь с разочарованием. Его уже как ветром сдуло – хозяйничал себе возле стола, сооружая бутерброд из моих припасов.

– Иди сюда, составь мне компанию, – указал он мне на стул рядом с собой.

Подчинилась, хоть первой реакцией и была послать его лесом. Сама себя не узнавала. Это же надо – так сильно хотеть целоваться с незнакомым мужчиной!

– Предлагаю выпить за знакомство, – бодро проговорил он, доставая откуда-то из-под стола бутылку вина.

– Я не пью.

– Один бокал на сон грядущий, – расплылся он в улыбке.

– А мы и не познакомились, – снова буркнула.

– Так за чем дело стоит?

Он откупорил бутылку и разлил вино по бокалам. Поднял свой и торжественно произнес:

– Я – Лука!

В этот момент я чуть не поперхнулось, хоть и нечем было. Лука? Это что за имя такое?!

– Ага. И дочь у тебя будет Лукинична, а сын – Лукич, – отвернулась и пробормотала себе под нос.

Если я рассчитывала, что он не расслышит, то сильно ошибалась. Следом за моим бормотанием раздался хохот. Интересно, что смешного я сказала? Да и слух у него оказался неслабым.

– Лука – это уменьшительное от Лукьян. И у детей моих будет отчество Лукьяновна или Лукьянович, – все еще посмеиваясь, просветил меня он. – Тоже, конечно, на старинный манер, но мне нравится.

– А мне нет, – упрямо ответила я. – Над такими в школе смеются.

– Ну, мои дети вряд ли будут ходить в обычную школу, – вмиг посерьезнел он. – Ну что, Маруся, выпьем за знакомство? Кстати, твое имя тоже не сильно современное.

– Потому что это не имя, а кличка.

Очень некстати вспомнила отца с матерью. Наверное, схо-

дят с ума, не зная где я. Скорее всего, на мои поиски уже бросилась вся полиция города. Хотелось бы и мне знать, где нахожусь. Осталось понять, как можно это выяснить. А почему бы?.. Я перевела взгляд на Луку, ожидающего с бокалом в руке, когда я возьму свой.

– Ну что ж, за знакомство, так за знакомство, – проговорила, беря бокал за тонкую ножку.

– А может, на брудершафт? – прищурился он, маскируя насмешку в глазах.

– А может, просто так?

У тебя была возможность поцеловать меня, которой ты не воспользовался. И слава богу. Сейчас я уже не понимала, как могла хотеть этого поцелуя. Конечно, он симпатичный и даже очень. Естественно, что раньше мой жизненный путь не пересекался с таким интересным мужчиной. И само собой разумеется, он мне очень даже понравился. И не столько внешне, как своей легкостью и добродушием. Интуиция безошибочно подсказывала, что передо мной очень хороший человек и надежный друг. Ну разве что, понравился он мне не совсем как друг...

Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли, пока они меня снова не заставили хотеть его поцеловать. Стараясь не смотреть на его чувственные губы, которые так и притягивали взгляд, чопорно и официозно произнесла:

– Марина.

– Лука, – ответил он мне в тон и дотронулся до моего бо-

кала своим.

Вино оказалось приторным и хмельным. Осушив бокал до дна, я ощутила, как приятно закружилась голова и начало клонить в сон. Только вот, стоило представить себе каморку, как сон как рукой сняло. Я даже поморщилась, что не укрылось от внимания Луки.

– Не понравилось? – спросил он.

– Нет, вино вкусное.

– А что тогда?

Я замялась. Мне необходимо было выяснить, где нахожусь. Уже в который раз я себя мысленно подводила к этому разговору с Лукой и каждый раз сама же себя тормозила. Несмотря на всю благожелательность, болтливым он не казался. И что-то мне подсказывало, что отвечать на мой вопрос он не станет, в лучшем случае отшутится или вовсе соврет. А мне нужна правда, чтобы понять, как действовать дальше. И уж точно я не собираюсь здесь оставаться.

– А ты хорошенькая...

Голос Луки вырвал меня из размышлений. Оказывается, все время, пока я думала, он меня рассматривал самым бесстыжим образом. Как же мне надоел этот чертов костюм, который ничего не скрывает! Где же мне взять другую одежду – не такую откровенную и более удобную. Хотелось бы еще и бельишком разжиться для полного счастья.

Не успела я придумать, что бы такого ему ответить, чтобы осадить раз и навсегда, как он резко переменялся. На ме-

ня уже не смотрел, уставился в стенку и насторожился, к чему-то прислушиваясь.

– В чем дело, Лука? – потормошила я его за плечо.

Он встрепнулся, перевел взгляд на меня, но какой-то рассеянный.

– Мне пора! – вскочил со стула. – Увидимся...

И выскочил за дверь. Ну вот, расспросила, называется. А мне что прикажете делать? Размышляя на эту тему, я убрала со стола и решила, что пока не произведу разведку, не найду выход из этого дома или что это, в каморку не вернусь. И плевать на предупреждение мадам, что подъемы тут ранние и дни насыщенные. Дольше оставаться в неведении не могла. Кроме того, мне жизненно необходимо раздобыть хоть какую-то одежду. Ходить и дальше в этом мерзком латексе я не могла. Казалось, что уже все тело чешется под воздухо- непроницаемой тканью.

Покинув кухню, я снова вернулась в уже знакомый холл. Повсюду стояла неестественная тишина, что наталкивало на мысль о глубокой ночи. Хотелось бы, конечно, поточнее определить время, но ни единых часов я не нашла. Такое впечатление, что их тут вовсе не было. По звездам они, что ли, ориентируются. Звезды... Мне бы сейчас хоть краем глаза взглянуть на них, вдохнуть свежего воздуха.

Оставалась всего одна дверь, в которую я еще не ломилась. К ней-то я и направилась. Даже не удивилась, оказавшись в очередном коридоре, который привел меня в холл

просторнее первого и еще более шикарный. Тут позолоченными были колонны. Все остальное чернело и переливалось в каком-то призрачном свете гранитом. С потолка свисала огромная хрустальная люстра, тоже отделанная золотом. Какая-то кричащая роскошь! Не люблю такого.

Как и в первом, в этом холле было несколько дверей. Кроме одной, все остальные оказались заперты. Та, что была открыта, привела меня в очередной холл, декорированный под дерево. Чем-то он мне напомнил терем изнутри. И пахло тут тоже деревом. И дверей тут видимо-невидимо.

Я совершенно растерялась. Кроме того, устала шататься по коридорам. Катакомбы какие-то, а не нормальное жилище.

Посреди холла стоял огромный деревянный стол, а вокруг него – резные стулья с массивными спинками. На один из них я и уселась, чтобы упорядочить мысли и перевести дух. А тут уютно, и пахнет так приятно. Наверное, за этим столом собирается большая семья, вон и самовар в центре блестит натертыми боками. Я разглядывала медный самовар и понимала, что не знаю, как поступить дальше. Мне необходимо уйти отсюда, но даже выход я не могу найти. Собралась разжиться хоть какой-то одеждой, а в итоге только заблудилась. Грусть прокралась в душу, слезы запросились наружу, но плакать я себе запретила. Вспомнила папу, как он учил меня быть сильной.

– Никто не знает, что готовит ему жизнь. – Мы сидели с

ним на кухне за вечерним чаем и просто говорили обо всем сразу и ни о чем конкретно. Обожала эти посиделки с немногословным обычно папой. Он для меня всегда был загадкой, но я точно знала, что любима им, и всегда могла рассчитывать на дельный совет. – В любой ситуации главное не поддаваться панике, стараться рассуждать логически. И тогда разум твой подскажет, как правильно поступить...

Сейчас мне почему-то казалось, что папа меня предупредил тогда. Осталось выяснить, от чего.

Я вздрогнула от скрипа двери и еле поборола желание спрятаться под стол. В следующее мгновение увидела заспанную Стеллу. Растрепанная со сна, в коротеньком халате, из-под которого выглядывала кружевная сорочка, она выглядела очень по-домашнему. Девушка потирала глаза и меня заметила не сразу. А когда увидела, распахнула их во всю ширь.

– Ты что тут делаешь?! – громким шепотом произнесла она и быстро приблизилась ко мне.

– Сижу, – уныло ответила и положила голову на скрещенные на столе руки. В этот момент спать захотелось нестерпимо. Наверное, сонный вид Стеллы так на меня подействовал.

– А почему тут? Тебе сюда нельзя.

– Куда, сюда? – уточнила я, борясь с обидой.

Значит, остальные девушки живут в этом «тереме», в то время как я вынуждена сидеть в дыре и страдать от нашептых кровожадных мух.

– Так. Быстро пошли отсюда! – она схватила меня за руку и сдернула со стула.

Уже у себя в комнате, заперев дверь изнутри, перевела дух.

– Если бы тебя увидела Мальва, сразу бы вопить начала.

Это имя я уже слышала второй раз и снова в негативном окрасе. Уже заочно, не зная кто она, я эту Мальву не переваривала.

– Почему вы живете здесь, – обвела я взглядом типично девичью комнатку, декорированную розовым, с просторной кроватью, шикарным туалетным столиком, мягкими креслами и диваном, – а я нет?

– Ты тоже скоро переселишься сюда, – отмахнулась Стелла. – С твоей-то внешностью... трех приватников заполучить не составит труда.

– Трех кого?..

– Ну, приватников, – посмотрела на меня Стелла, как на неразумного ребенка. – Тебя должны выбрать трое для приватных танцев, и тогда тебя переселят сюда.

Она терпеливо объясняла, а у меня от ужаса начинали шевелиться волосы на голове. Да, что тут происходит?! В какой из дурдомов я попала?! Я отказываюсь от такой жеребьевки! Даже под дулом пистолета меня не заставят танцевать приватно. Что это такое, я знаю отлично, не раз слышала и видела. Не в силах больше сохранять спокойствие, я схватила Стеллу за руку и торопливо заговорила, срываясь на крик:

– Стеллочка, родненькая, ты обязана мне помочь. Сбежать отсюда! Прямо сейчас! Просто покажи мне выход и все. Я больше не могу тут оставаться. Родители сходят с ума, а сама я, кажется, уже сошла...

Я все говорила и говорила, не отдавая себе отчета в словах. Кажется, я что-то ляпнула про духа, потому что в какой-то момент снова заметила неестественно большие глаза Стеллы. И про тайну родителей тоже выболтала. И про мух, и про Анну... Мой монолог, наверное, больше был похож на бред тяжелобольного, потому что в какой-то момент Стелла вырвала руку из моих и закрыла ею мне же рот.

– Тише, ненормальная! – цыкнула она, с опаской оглядываясь на дверь. – Всех перебудишь, и тогда точно не миновать беды. Из-за тебя влетит и мне! Сядь, – подвела она уже рыдающую меня к креслу. – Вот, выпей, – поднесла к моим губам стакан полный воды.

Успокаивалась я долго, постепенно осознавая, что помогать мне Стелла не станет, что тут никто и никому не помогает. Она молча сидела рядом и терпеливо ждала, а потом заговорила, жестом останавливая готовую сделать то же меня:

– Вот что я тебе скажу – отсюда выбраться невозможно, как и просто так сюда не попадают. Если ты тут, то значит, за что-то должна расплатиться, как все мы. Но! – вновь она подняла палец, затыкая мне рот. – Говорить об этом запрещено строго настрого. Обсуждать членов клана запрещено! И это ты должна принять, как самое главное табу. Един-

ственная возможность сделать свое существование здесь более или менее приличным – это завоевать расположение трех приватников. Выбора у тебя нет, и ты должна расстараться в ближайшие две недели. Тогда тебе, по крайней мере, будет обеспечена сытая жизнь. Так же ты не будешь страдать от недостатка мужского внимания, – почему-то покраснела она, а я решила, что поразмыслю об этом на досуге.

– Одежда мне, хотя бы, полагается? Что-то, кроме этого сценического уродства? – оттянула я пальцами ткань костюма, а когда отпустила, получила ощутимый шлепок по животу и поморщилась.

– Ну конечно, о таких мелочах тут никто и не думает, – кивнула Стелла самой себе и направилась к зазеркаленному гардеробу. – Я тебе дам на первое время, а потом своим разживешься, – принялась она доставать из шкафа вещи и складывать их аккуратной стопкой на кровать.

Какое-то время она молча работала. Я тоже молчала, говорить не хотелось, да и истерика забрала остатки сил. Спать уже хотелось нестерпимо.

– Ну вот, забирай и пошли, провожу тебя до твоей комнаты. Главное, никого не встретить по дороге...

– А кто такой Лука? – внезапно вспомнила я, когда мы уже дошли до двери.

– Лука? – резко затормозила Стелла и кинула на меня быстрый взгляд. – А ты откуда его знаешь? – спросила, уже не глядя на меня.

– Случайно познакомились сегодня, на кухне.

– Господи! Ты и там побывала?! – округлила она глаза. – Ты хоть понимаешь, что там ты могла встретить любого из них?

Интересно, откуда я это могу знать, если мне никто и ничего не потрудились объяснить. Ни у кого даже вопроса не возникло, как я вообще сюда попала. Словно их всех духи принесли. Или так и есть? Это я тоже должна буду выяснить.

– Лука принадлежит верхушке клана. То, что ты встрети-лась с ним, не очень хорошо. Но может он и не выдаст те-бя. Вообще-то, он тут самый добрый... и молодой. А теперь пошли, – прервала она беседу и вытолкнула меня за дверь, предварительно убедившись, что холл пустует.

Почти бегом мы добрались до моей комнаты, и Стелла сразу же умчалась обратно. Я же снова чудом избежала на-шествия насекомых. Ванну уже принять не рискнула и засы-пала в слезах, оплакивая свою несчастную долю.

Глава 5

Никогда в жизни я так не уставала, как за всю следующую неделю. В первый же день мадам растолкала меня на рассвете и, даже не дав умыться, выпроводила на зарядку. Ну, в моем-то представлении зарядка – это приседания, наклоны... И уж точно я никак не ожидала оказаться в огромном спортивном зале, с кучей тренажеров, матов, канатов, бревен и шестов. После получасовой зарядки в свою каморку я заползала. Мадам в этот первый раз занималась лично мной. Она заставляла отжиматься, качать пресс. Меня прогнали несколько кругов по залу. На пути вырастали препятствия, которые я должна была преодолевать, порой рискуя жизнью. Остальные девушки надо мной посмеивались, а я злилась все сильнее, в основном на мадам. Ну и еще, конечно, на двух кумушек. Как узнала чуть позже, верзила блондинка и накаченная коротышка и были теми, про которых говорила Санька. Мальва и Сайка. Имена им очень даже подходили. Или клички. Ведь и я тоже превратилась в Мару.

– Завтра все то же будешь делать самостоятельно, – приговаривала мадам Виолетта, пока я кувыркалась на матах с высунутым языком.

– Если сможет встать с постели, – противненько хихикнула Сайка и посмотрела на Мальву.

Булка, она и есть булка, как ее не накачивай. Не знаю да-

же почему, но к этим двоим у меня сразу возникла антипатия. Наверное, уловила их «любовь» на невербальном уровне. А вторая... Натуральная мальва, у нее даже спортивный костюм в бордово-сиреневом раскресе, в такой только пугало огородное одевать. К слову, мне на зарядку пришлось идти в концертном одеянии, вчерашнем. Спортивный костюм мне Стелла не выделила. Извинилась, что запасного нет. Так что, к моменту окончания зарядки я уже вся покрылась липким потом.

Стоя под душем и пытаюсь максимально расслабить напряженные мышцы, я размышляла, как долго смогу так протянуть. Доля истины в словах противных подружек была – завтра я вряд ли смогу встать с кровати.

По дороге из ванной случилось еще кое-что, чуть окончательно не сломившее меня. Я не успела вовремя скрыться от кровососов. К тому моменту, когда, крича и отмахиваясь от них, я заскочила под балдахин, меня уже изрядно покусали. Все тело зудело, и ощупывая себя, я ощущала, как мгновенно вздуваются места укусов.

– Ты чего разоралась? – раздался знакомый голос от двери. – Мамочки! – отшатнулась Аня, увидев мое лицо. – Мух покормила... – потрясенно пробормотала она.

А мне уже было параллельно. Судя по ее реакции, красавица я еще та. Так даже лучше – никаких концертов, танцев и приватности. Не погонят же они такую прелесть на сцену! Но додумать мысль и обрадоваться как следует я не успела –

Аня вернулась с объемной банкой с чем-то белым внутри.

– А ну, ложись. Быстро! – велела она таращащейся на нее мне.

Размотав полотенце, она принялась натирать меня чем-то пахнущим скипидаром. Да и гореть кожа начала примерно как от этого средства. Каждый укус она предварительно больно щипала, отчего я постоянно вскрикивала и пыталась увернуться от ее рук.

– Терпи и не дергайся! – прикрикнула на меня Аня. – Это самое действенное средство. Полностью укусы, конечно, не сойдут, но припухлость спадет. Снова станешь похожа на человека. И вообще, тебя уже ждут в столовой. Не успеешь поесть, придется тренироваться на голодный желудок.

– Как вы тут живете? – простонала я, усаживаясь на кровати.

Анна почему-то смутилась и отвернулась.

– Ань, в чем дело? – душу ковырнули подозрения.

– Ты давай-ка, одевайся по-быстрому, – протянула она мне брюки и маечку, что я приготовила заранее, положив на табурет.

– Ань?.. – позвала я, натягивая на себя вещи и страдая от приторного запаха. – Посмотри на меня! – строго велела я. – Иначе, с места не сдвинусь. Тебе ведь влетит за это, я права?

Кажется, я угадала, потому что она повернулась ко мне лицом, но глаза по-прежнему прятала.

– Что тут происходит? Что ты скрываешь?

– Говорить об этом нельзя, – перешла она на шепот. – Но я скажу... Так живут у нас только новенькие. Вот так, – обвела она мою каморку взглядом, – и с мухами.

– А вы?..

Мое лицо все больше вытягивалось от изумления. Так удивительно звучали ее слова, что я даже обидеться забыла.

– У нас условия попримичнее, – ограничилась она.

– Это что, что-то типа посвящения в клан?

– Что ты! – замахала она руками. – Члены клана – это небожители для нас. Так мы жить никогда не будем. Но хорошим поведением тут можно заслужить довольно приличное отношение к себе.

– Проверка на вшивость? – пробормотала я.

– Таковы правила. Ландо, пошли уже... А то мне влетит.

Аня проводила меня в ту самую деревянную столовую. Девушки уже все собрались за столом и активно работали ложками. Стоило мне появиться, как лица всех обратились в мою сторону.

– Красотища-то какая! – протянула Мальва, а Сайка громко и услужливо заржала. Благо, остальные девушки ее не поддержали. – Все мужики твои...

На этих я даже не посмотрела. Заметила свободное место рядом с сочувствующе глядящей на меня Стеллой и направилась к ней.

– Не обращай на них внимания, – шепнула она, наливая мне сока. – Через пару дней даже следов не останется. А к

концерту будешь как новенькая. Главное, не дай себя снова искушать.

Этот день я еле пережила. После завтрака нам мадам дала время переварить пищу и погнала на тренировку, которая длилась вплоть до обеда. На этот раз мы оттачивали танцевальные движения. От громкой музыки у меня начала раскалываться голова. Еще и Мальва все ноги оттоптала. И угодило же Виолетту поставить нас рядом. Будто специально. Ну а в том, что эта дылда наступала мне на ноги не случайно, я не сомневалась.

После обеда, когда мне кусок в горло не лез от усталости, нам разрешили вздремнуть пару часов. Едва моя голова коснулась подушки, как я вырубилась. Разбудила меня Стелла словами:

– Вставай. Если опоздаешь на занятия, влетит и тебе, и мне.

– А тебе-то за что? – ничего не понимала я спросонья.

– Мне поручили курировать тебя. Теперь все наказания поровну.

На этот раз нас учили теории. Два урока по два часа. Первый вела мадам Виолетта. Урок по теории музыки. Два часа она мусолила тему, чем отличается звук от мелодии. Под конец у меня уже снова начали слипаться глаза. Один раз мадам даже сделала мне замечание, чем снова вызвала насмешки Мальвы. Та и так пялилась на меня все время. В какой-то момент мне даже захотелось ей сказать что-то грубое,

а лучше огреть чем-то тяжелым. Поэтому, когда наступила перемена (прямо как в школе – пятнадцать минут), я поблагодарила Бога, что отвел от беды.

Второй урок меня вообще удивил донельзя. Русский язык и литература! Мы писали сочинение на тему «Пять вещей, которые меня восхищают». Я сдала пустую тетрадь. В данный момент меня все раздражало, а собственная участь так и вовсе пугала. О каком восхищении может идти речь?

Ужин прошел в молчании. Даже Мальва с Сайкой выглядели усталыми и не острили. Я так и вовсе еле ложку поднимала. Но есть себя заставляла, потому как силы мне еще пригодятся.

– Нельзя ли выйти на улицу и подышать воздухом? – спросила я Стеллу, когда мы выходили из столовой.

Не могла даже представить, что сейчас вернусь в свою камеру. Даже мутить начало от этой мысли. Кроме того, мне до жути хотелось на свежий воздух. Ну не могут же они тут жить и света божьего не видеть? Должны же они гулять!

– Если хочешь, можем пойти в сад, – тут же откликнулась Стелла, и я поняла, что она тоже не знала, за чем скоротать вечер. – Только, сейчас тебе куртку вынесу. На улице холодно...

С каким наслаждением я вдохнула свежего вечернего воздуха, стоило мне только выйти за порог. Оказывается, выход в сад был совсем рядом, просто я не в те коридоры заходила. Постаралась запомнить дорогу, чтобы в следующий

раз насладиться прогулкой в одиночестве. Вспомнились мои бдения у озера. Вновь увлажнились глаза. Прошло всего два дня, а мне казалось, что прежняя жизнь осталась далеко-далеко, за пределами моего восприятия. О том, как чувствуют себя родители постаралась не думать, боясь отчаяться.

Сад выглядел по-осеннему запущенным. Землю устилали желто-красные листья. Тусклый свет фонарей, затерявшихся между деревьев, отбрасывал неясные тени. В другое время я бы обязательно напрягла фантазию и вообразила, что представляет из себя та или иная тень, на что она похожа. Но сейчас настроение было далеко от романтического. Я лишь полной грудью дышала, насыщаясь кислородом.

Взгляд упал на фасад дома, и каково же было мое удивление, когда поняла, что высечен он внутри высокой скалы. Снаружи его даже никто не постарался облагородить – скала выглядела природной, если бы не дверь, ведущая внутрь.

– А ты никогда не пыталась бежать отсюда? – вопрос вырвался сам.

– Т-с-с!.. – тут же отреагировала Стелла. – Молчи, если хочешь выжить. Это место наполнено магией.

Магией? О чем эта она?..

Мы набрали на скамейку под раскидистым дубом.

– Присядем? – предложила Стелла.

Какое-то время мы сидели молча, а потом она заговорила:

– Я часто прихожу сюда. Подумать, помечтать... Я сирота, и клан заменил мне дом, семью. Но иногда, с годами все

реже, я вспоминаю приют, в котором выросла, людей, которых знала...

Она замолчала, а мне так о многом хотелось ее спросить. Например, за что она тут оказалась, за какие такие грехи расплачивается? Не хочет ли она вернуться к прежней жизни, обрести свободу?..

– Даже не знаю, кем бы стала, если не попала сюда, – улыбнулась она. – Знаешь. Какая я была неловкая! Мадам все твердила, что Бог одарил меня внешностью, но совершенно не наделил способностью двигаться. Сколько сил она потратила, пока научила меня танцам. Да и сейчас я еще далека от совершенства. А ты? Давно ты танцуешь?

– Вообще не танцую.

– Это как?

Я смотрела на ее удивленное лицо и не знала, что ответить. Если бы я сама хоть что-то понимала, возможно, смогла бы объяснить.

– Ну так, – пожала я плечами. – Танцам не обучалась, по клубам не хожу...

– Самородок что ли? – присвистнула Стелла.

– Не поверишь, но я совершенно не спортивная. В школе ни через козла прыгнуть, ни по канату забраться... тройки рисовали по физкультуре. А уж танцевать сроду не умела!

– Да как же так?!

Стелла даже с лавки встала и прошла передо мной в крайнем возбуждении.

– Мадам сказала, что твой дебют прошел успешно. Поверь мне, зрители у нас очень требовательные. Если бы ты двигалась неумело, погнали бы со сцены... Что молчишь? – тщетно ждала она ответа.

– Магия, – сказала я единственное слово, которое хоть как-то могло объяснить мой феномен.

– Магия?! – потрясенно повторила Стелла. – И тут?..

– Ты когда-нибудь встречала тут духа? Очень красивую женщину? – спросила я о том, о чем уже давно хотела спросить хоть кого-то. И раз уж разговор сам зашел на эту тему, не собиралась упускать такую возможность.

– Никогда! – затрясла Стелла головой и даже перекрестилась в суеверном страхе.

– А чего ты так испугалась, если сама говоришь, что все тут пропитано магией?

– Об этом нельзя говорить, – побледнела она. – И когда я говорила... про это, не имела в виду духов.

– Понятно. – Я поняла, что ничего мне не понятно и разбираться придется без чьей-либо помощи. – А выходные тут бывают? – решила сменить тему.

– Ага. По понедельникам у нас только зарядка, – кивнула Стелла, погруженная в свои мысли.

– Это завтра...

– Ну да. Только отдыхаем мы от танцев, но занимаемся общественно-полезным трудом.

– В каком смысле «общественно-полезным трудом»?

– В самом прямом, – серьезно посмотрела она на меня. – На завтра намечена уборка как раз вот этого сада. Будем сгребать листву, сжигать ее. Мадам еще хочет покрасить лавки...

– Ни единого выходного?!

– Ты привыкнешь, – проговорила она и поежилась. – Может, пойдем уже? Холодно.

– Иди, а я еще немного посижу.

Стелла ушла, а я осталась мерзнуть. Вечер выдался холодным, хотя не на осень же за это обижаться. Она имела право так себя вести – сковывать землю первыми морозцами, подготавливать к зиме. А вот кто решил, что вправе так поступать со мной, я не знала. Дух? Так я уже даже не была уверена в ее существовании. И кто она такая? Кем была при жизни?

Вопросы без ответов изматывали. В комнату возвращаться не хотелось. Да и там ненамного теплее, а еще эти мухи... Я сидела на лавке, пока не окоченела окончательно. Зуб на зуб не попадал, когда покинула сад.

В комнате было сыро и промозгло. Я забралась под тонкое одеяло прямо в одежде, но даже так не могла согреться. Шальная мысль пришла в голову, и я попыталась ее воплотить.

– Дух этого места, призываю тебя, – произнесла я напряженным голосом.

Ничего не произошло. Я повторила попытку еще дважды,

но также безрезультатно. Не солоно хлебавши, я укрылась с головой и думала, что не усну. Равнодушно подглядывала за атакующими балдахин насекомыми, пока глаза сами не закрылись. Мне приснился дом, мама, папа. Во сне я точно осознавала, что все это лишь привиделось. Плакала, но проснуться не могла. Звала родителей, но они уходили от меня все дальше...

Глава 6

После дебютной зарядки и тренировки в воскресенье, три дня я чувствовала себя инвалидом. Болели все мышцы, движения давались с трудом. Но в то же время постепенно становилось все лучше, и в теле появлялась до этого невиданная легкость. Даже походка начала меняться, делаться пружинистой упругой. Тело наливалось силой и выносливостью, параллельно тому, как закалялся мой дух. А он точно закалялся, потому что при виде моего убого жилища уже не возникало щемящей тоски по комфорту. Я даже попыталась придать каморке уютный вид – вычистила до блеска ванную, намыла пол и стены в комнате. Выпросила у мадам коврик и постилку на табурет. Вычислила часы нашествия насекомых, и теперь чувствовала себя спокойно, когда точно знала, что они не прилетят. А в положенное время пряталась на кровати, которую я тоже, кстати, привела в порядок – выбила матрас с подушкой и потребовала себе чистое и приглядное на вид белье, как и более теплое одеяло. Последнему способствовало опасение, что если и дальше буду мерзнуть по ночам, то хроническая простуда мне обеспечена. А болеть нельзя было никак, потому что я строила план побега.

В день уборки сада, я напросилась стаскивать листья к месту костра, который решено было устроить в аккурат возле забора. Вот тогда-то я и исследовала его по периметру, ста-

раясь делать это ненароком. Забор, конечно, выглядел устрашающе – высоченный бетонный, обнесенный по верху колючей проволокой. Складывалось впечатление, что находишься в местах не столь отдаленных. Примыкал забор прямо к скале, не оставляя никакого зазора. К слову, щелей в нем вообще не было, посмотреть, что там дальше, не представлялось возможным. Ворота выглядели более чем внушительно и закрывались на несколько замков.

В этот же день я хитростью выпытала у Стеллы, что ключи от ворот хранятся у главной по кухне. Вскоре я и с самой Брунгильдой познакомилась, как прозвала ее про себя. Всех танцовщиц загнали вечером на кухню – помогать мыть посуду после какого-то пиршества. Девчонки-поварята не справлялись. Вот там-то я и увидела эту женщину-воительницу. Ее бы заковать в доспехи, посадить на коня, да отправить воевать против вражеского войска, а не поручать командовать веселушками, какими оказались работницы кухни при ближайшем знакомстве. Таких гром баб мне еще не приходилось видеть. ростом под два метра, широкая в кости, страшная на лицо и вечно орущая. Вот такая была Брунгильда. Настоящее имя у нее какое-то мудреное, я даже запомнить его не смогла. Да мне и не нужно было. Когда я первый раз назвала главную по кухне кличкой собственного изобретения, Аня чуть не померла со смеху. Так с моей легкой руки прозвище к ней и приклеилось. В последствии ее называли не иначе, как Брунгильда.

Так вот, ключи от ворот висели у нее на поясе. Поговаривали, что даже ночью она не снимает тяжелую связку. Выкрасть их не представлялось возможности. Но я и не собиралась. В голове зрел другой план. Каждый день, на закате, с кухни вывозилась телега с помоями. Каждый раз Брунгильда лично сопровождала процессию, отпирала ворота, выпускала за них девушек с телегой и ждала, когда они вернутся, опорожнив ее. От той же Анны я узнала, что мусор вываливают в помойную яму, а потом легонько присыпают землей, чтоб перегнивал. Вот в этом-то мусоре я и намеревалась спрятаться.

Конечно же, меня начинало тошнить от одной мысли о погребении себя под помоями. Но с другой стороны, вспоминался фильм «Побег из Шоушенка». Там вон герой несколько километров пробирался по канализационным трубам, по пояс в фекалиях, и выжил, ничего. Я тоже справлюсь!

Все свободное время я посвящала исследованию места, где вынуждена обитать. По вечерам я бродила по жилищу в скале и пыталась запомнить расположение коридоров и холлов. Так я выяснила, что холлов всего четыре. Первый, в который выводил мой собственный коридор, больше похожий на подземный лаз, считался общим. Из него можно было попасть на кухню, в концертный зал, холл танцовщиц и в сад. Тот холл, что был самым помпезным в моем представлении, принадлежал управляющему персоналу. В него выходили покои мадам Виолетты и Брунгильды. Эти две особы счи-

тались на очень высоком положении у хозяев, и апартаменты их, говорят, были роскошны. Брунгильда отвечала за всю хозяйственно-бытовую область, а мадам – за эстетическую и артистическую. Был еще холл прачек и поварих. Он почти ничем не отличался от деревянного терема танцовщиц, разве что выглядел попроще, без резьбы по дереву.

Постепенно расположение комнат и покоев жильцов прочно отпечаталось в моей памяти. Но я не выяснила главного – где обитали хозяева. Кто они такие, я уже поняла, мне никто не расскажет, потому что тема эта находилась под запретом, как и не разрешалось обсуждать нашу прошлую жизнь друг с другом. В то, что у стен есть уши, я не верила, но девочки придерживались другого мнения и сразу замолкали, стоило мне завести беседу на одну из этих тем. Но так легко сдаваться я не собиралась и однажды все же пристала к Ане, когда та забежала в мою каморку перед сном. Как обычно, мы забрались на кровать и плотно запахнули балдахин. Нашествие кровососов никто не отменял. Кстати, я выяснила, что нападают они только тут – в моем легендарном жилище. Чистилище какое-то, честное слово. Осталось понять, чем я все это заслужила.

– Ань, а правда, что хозяева частенько забредают на кухню? – спросила я, словно невзначай.

– Бывает. В основном по ночам. Уж больно они прожорливые, – усмехнулась Аня, впрочем, сразу же испугалась. – А тебе зачем? – подозрительно прищурилась она.

– Да просто так, любопытно, – деланно-равнодушно ответила я. – Тут-то их не бывает, вот я и подумала, что из их жилища можно попасть только на кухню...

– Ну мы-то их не видим. Только с утра застаем погром на кухне.

Потеряв бдительность, Аня рассказала, что для хозяев специально готовится несколько блюд на ночь, чтобы они могли прийти и полакомиться. Я уточнила, едят ли они днем. Аня призадумалась, а потом ответила, что не всегда. Бывает, они неделями не питаются днем, а по ночам разоряют съестные припасы на кухне. Так странно... Ночной образ жизни, что ли, они ведут?

– Спать хочется, – широко зевнула Аня и привстала на кровати. – Пора идти...

– Побудь еще чуть-чуть, – попросила я. – Еще не так и поздно, – время я теперь угадывала интуитивно, никаких часов тут я, по-прежнему, не видела.

Я думала. Вспоминала... Как сама забрела на кухню и познакомилась там с Лукой. Кроме единственной попытки рассказать об этом Стелле, больше я ни с кем не делилась, что знакома с ним. Уверена, что Стелла тоже будет хранить молчание, потому что боится даже собственной тени. Она уверена, что так хорошо, как здесь, больше нигде ей не будет. Вздрогнула от воспоминаний о медведе. Он мне точно не привиделся, слышала я его до того, как выглянула в коридор.

Коридор. Скорее всего, именно он ведет на половину хозяев. Возможно, есть еще путь, но этот мне казался самым доступным, да и про другие я не знала.

– Ань, а у них живут медведи? – вновь заговорила я.

Возможно, пятнистый медведь – как символ клана. Но не разгуливает же он свободно везде? В конце концов, как бы он не относился к хозяевам, для нас может быть очень даже опасен. Спасибо Луке, спас меня тогда от верной смерти. Медведь, поди, шел на кухню, чтобы тоже подкрепиться.

Я размышляла и не сразу заметила настороженный взгляд Анны.

– Ты чего?

– Я? Ничего, – торопливо ответила она и собралась слезть с кровати. – мне пора...

– Стой! – придержала я ее за руку. – Ань, это как-то связано с медведем? – допытывалась, крепко удерживая ее запястье, не забываясь о том, что ей может быть больно. – Ты что-то знаешь, но мне рассказывать не хочешь.

– Мара, т-с-с! – прижала она палец к моим губам и лихорадочно зашептала. – В клане пятнистых медведей живут не просто люди. Они очень могущественны! Владеют магией. Это страшные существа! – в страхе округлила она глаза. – Про них нельзя говорить, никогда! У стен есть уши, – воровато оглянулась она, словно, действительно, боялась разглядеть на стене огромное ухо. – Пока! – махнула рукой и пулей вылетела из комнаты.

Меня переполняла ирония. Магия! Скажет тоже! Никакой магии не существует. Тут я подумала про духа и про то, как сама попала сюда. И все равно, не верю ни в какую магию. А вот узнать правду я должна! И сделать это нужно как можно быстрее.

Я решила во что бы то ни стало проникнуть на хозяйскую половину. Зверинец там у них или что, мне все равно. Не съедят же меня живьем! Мадам предусмотрительно предупредила меня, что на кухню нам вход запрещен. Но и этот запрет я планировала нарушить, как уже сделала однажды. Жаль я тогда не расспросила Луку подробнее обо всем. Как-то слишком быстро он смылся.

А еще мне нужно было найти другой вход на хозяйскую половину, и такая возможность представилась неожиданно быстро. Только вот я ей совершенно не обрадовалась.

В пятницу, на тренировках по танцам, когда мы отрабатывали хореографию в зеркальной комнате, вошла мадам и громко несколько раз хлопнула в ладоши.

– Девушки, внимание! – громовым голосом произнесла она.

Все замерли на местах, в классе повисла тишина.

– Быстренько снимайте с себя все лишнее и приготовьтесь танцевать.

Она направилась к музыкальному центру, а я подскочила к Стелле, расстегивающей на себе спортивную кофту.

– Что это значит? – прошептала я ей на ухо.

– Раздевайся, – ответила она, стягивая кофту и оставаясь в одном бюстгальтере.

– Зачем?! – вытаращила я на нее глаза.

– Сматрины будут, – скривилась она, стараясь делать это незаметно.

Стелла уже приступила к штанам и вскоре осталась в одном белье. Слава богу, его она снимать, кажется, не планировала. Ответить мне она не успела, в комнате снова прозвучал властный голос мадам:

– Все готовы? – взгляд ее доскользил до полностью одетой меня. – В чем дело? – громыхнула Виолетта.

Я растеряннo оглянулась и поняла, что одетой осталась одна. Все остальные уже аккуратненько сложили вещи на стульчиках и переминаются возле стенки в довольно открытом бельешке.

– Раздевайся! – рявкнула мадам.

Я лишь затрясла головой, голос резко пропал.

– Мальва, Сайка, помогите ей, – не раздумывая ни секунды, командовала та.

Тут же ко мне подскочила накаченная фурия и скрутила за спиной руки. Мальва, тем временем, принялась развязывать тесемки на моей кофте на запахе.

– Убери руки! – прошипела я, не в силах пошевелиться. Захват Сайки был железным.

– Стесняешься? – хихикнула Мальва, проводя пальцем по моей обнажившейся груди. – Есть чего, – нагло ухмыльну-

лась она и оттянула длинным ногтем край моего бюстгальтера, заглядывая внутрь. – Там и смотреть-то не на что, – громко добавила, явно работая на публику.

Конечно же, Сайка поддержала ее дебильным хохотом, оглушая меня, потому что ржала мне прямо на ухо.

– Девушки, скоренько! – вновь захлопала мадам. – Господа ждать не любят.

Сайка еще крепче сжала мои руки, что аж слезы выступили на глазах от боли, а Мальва проворно стянула кофту, разрывая ее по швам, и штаны, вынуждая меня переступить через них.

– Доходяга, – презрительно кинула она напоследок и кивнула Сайке, чтоб та отпустила.

Подхватив мои вещи, они обе удалились на свои места.

– Танцуем, красавицы, стараемся понравиться, – велела мадам и включила музыку.

Даже не подумаю! С места не сдвинусь! Я наблюдала, как плавно двигаются девушки, сгорая от унижения. Ловила на себе убийственные взгляды мадам и насмешливые Мальвы и не могла заставить себя пошевелиться. Даже если меня убьют после этого, танцевать не стану, ни за что! Для пущей убедительности скрестила руки на груди. Если бы я еще хоть чем-то могла прикрыть наготу, то была бы почти спокойна. Но приходилось оставаться в одном, довольно откровенном, белье.

Интересно, откуда за нами наблюдают, и кто? Я обвела

взглядом стены комнаты. Ничего, кроме зеркал, не заметила. Возможно, именно за ними находились зрители. Тут же меня бросило в холодный пот, когда сообразила, что к одному из них я повернута ничем не прикрытой попой, трусы-то на мне были стринги!

Мадам, тем временем, вся покраснела от злости и стала похожа на обгоревшую на пляже туристку. В глазах ее читалась угроза, и я поняла, что за неповиновение мне придется расплачиваться. Но даже это не заставило начать двигаться. Я лишь еще сильнее сжалась, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Музыка закончилась, и девушки перестали танцевать, вытянувшись по струнке и ожидая дальнейших распоряжений.

– Одевайтесь и продолжайте занятия, – велела мадам. – В конце не расходитесь, обсудим сегодняшние приватные выступления. А с тобой, – бросила она злой взгляд на меня, – у меня будет отдельный разговор, – и гордо удалилась.

– Допрыгалась? – донесся до меня голос Мальвы.

И конечно же, Сайка опять услужливо заржала. Мне уже казалось, что только это она и умеет делать. Ну еще танцевать. Кстати, последнее у нее получалось неплохо. Ее накаченное тело очень красиво смотрелось в танце. Но вот умом ее бог явно не осчастливил.

Реплику Мальвы я оставила без ответа, пытаясь натянуть на себя изодранную кофту, чтобы хоть как-то прикрыть белье. Дернулась, когда моего плеча коснулась чья-то рука.

– Зачем ты так? – Стелла смотрела на меня с жалостью. – Не представляешь, какую власть тут имеет мадам. Нельзя было ее злить, теперь она тебе будет мстить.

– Хочешь сказать, может быть хуже? – упрямо спросила я.

– Намного, – совсем тихо и печально ответила она.

Все продолжили тренироваться, а мне совершенно расхотелось что-либо делать. Я опустила на ковровое покрытие, прислонилась к стене и закрыла глаза, чувствуя, как к ним подступают слезы. Только не плакать, только не плакать!.. – уговаривала я себя. Нельзя показываться перед ними слабой. Что сделано, то сделано, и теперь мне придется расплачиваться.

Вскрик боли привлек мое внимание, оттесняя грустные мысли. Одна из девушек, кажется ее звали Лола, корчилась на полу, держась за лодыжку. Остальные танцовщицы уже столпились вокруг нее, и кто только как себя не вел, проявляя истинную сущность. Кто-то смотрел равнодушно на ее страдания, другие сочувственно и пытались оказать хоть какую-то помощь, а были и такие, как Мальва с Сайкой, что стояли в сторонке и тихо перешептывались, бросая на беднягу косые взгляды.

Я приблизилась к танцовщицам, и они расступились, пропуская меня к Лоле. Странная реакция, я же не врач, лишь не хочу оставаться равнодушной к чужой беде. Присела рядом с девушкой и сказала:

– Покажи ногу.

Она повела себя еще более странно, даже плакать перестала, а уставилась на меня злым взглядом.

– Отойди! Без тебя тошно, не видишь? Дополнительные проблемы мне не нужны, – дернулась и снова заплакала, видно, ногу прострелила резкая боль.

И снова я наткнулась на грустный взгляд Стеллы. Она не сказала ни слова и даже не попыталась ко мне приблизиться, лишь смотрела на меня так, словно видит в последний раз. Я тоже не стала к ней приставать. Зачем? В душе поселилось какое-то отупение.

Отойдя от группы, я вновь уселась возле стены и закрыла глаза. Не хотят моей помощи, не надо. Мне и кроме этого есть о чем подумать.

Кто-то сходил за мадам, и бедняжке, подвернувшей ногу, еще и влетело. Мол, растяпа она невнимательная, неуклюжая корова и все в таком духе. Да уж, деликатностью наша мадам не страдала. Девушку увели, а нам мадам велела построиться вдоль стены. Сама она опустилась в единственное в этой комнате кресло и вальяжно развалилась в нем. Вызывая девушек к себе по одной, она какое-то время тихо беседовала с каждой, а потом отпускала их восвояси. Конечно же, до меня очередь дошла последней.

– Подойди, – велела мадам. Я пыталась определить, как прозвучал ее голос, но не поняла. Вроде, злобы в нем не было, презрения тоже, как и теплоты. Наверное, он прозвучал никак, равнодушно.

Приблизившись к мадам Виолетте я какое-то время стояла и ждала, когда она соизволит заговорить. Смотреть на меня не собирались. Вместо этого мадам предпочла разглядывать себя в зеркале.

– Отныне ты изгой, – спокойно произнесла она. – Ни девушки с тобой, ни ты с ними общаться не должны. Все поручения ты будешь получать от меня лично. Столоваться с этой минуты станешь отдельно от всех. На занятия будешь ходить как и раньше, но сидеть и стоять будешь в стороне. По вечерам будешь заниматься дополнительной работой, какой, скажу позже.

– Это все? – уточнила я.

Ее я не боялась. И даже не злилась на мадам. Мне было все равно. Что бы она не придумала, как бы еще не захотела меня унижить, я не сдамся, даже если придется умереть. Хотелось верить в скорый побег и что смогу протянуть до него.

– Нет, не все, – отчеканила мадам, по-прежнему не глядя на меня. – Тебя выбрали трое для приватного танца, – выдала она, и я чуть не упала, испытав мгновенную слабость в ногах. – Сейчас ты переселишься в другую комнату, а потом тебя подготовят к первой встрече.

Глава 7

Новые апартаменты мне даже не дали рассмотреть как следует. Стоило только войти туда и скинуть немногочисленные вещи на кровать, как за мной пришли две банщицы, как узнала позже. Этих девушек я раньше не встречала. Обе смуглые коренастые, в белоснежных коротеньких халатиках, они были чем-то похожи между собой и, как выяснилось, совершенно глухонемые.

Я даже не догадывалась, что есть еще и подземный этаж. На него вела та дверь, что постоянно оказывалась запертой, когда бы я в нее не ломилась. Одна из девушек отперла ее ключом, и меня повели по винтовой лестнице.

Баня, как баня, ничего особенного. Видали мы и попримечнее. В небольшой комнатке ряд восходящих к потолку скамеек, сухой пар и... веники. Я думала, эти хрупкие на вид девушки меня убьют, ну или покалечат. Это ж надо так хлестать, да пару поддавать. Я даже кричать толком не могла. Стоило открыть рот, как в него проникала жара, затапливая легкие. Лишь мычала и пыталась вырваться, но неизменно оказывалась пригвожденной к горячущей лавке.

Из парилки я практически выползала, но отдышаться мне не дали – сразу поволокли в соседнюю комнату, уложили на высокий стол и принялись чем-то натирать тело. Теперь я уже нещадно чихала от запаха ароматических масел, вися-

щего в воздухе. Да если я так буду пахнуть, то приватный танец отменится сам собой, даже предпринимать ничего не придется. Зритель просто свалится в обморок от удушья. Натирайте, девушки, натирайте, я потерплю.

Занимаясь самоиронией, я пыталась размышлять серьезно в перерывах между чихами. Что я могу придумать, чтобы никакой приватности не состоялось? Поранить себя? Как вариант, можно. Правда я боюсь боли и от вида собственной крови могу потерять сознание, но так даже лучше – не потащат же они меня в беспамятстве на танец. Осталось придумать, чем калечиться, и выбрать подходящий момент.

Не сразу заметила, что приторный запах развеялся, оставляя после себя тонкое едва-уловимое послевкусие. Движения девичьих рук стали более плавными, даже ласкательными. Порой по телу пробегала приятная дрожь. Кажется, от массажа я начинаю получать удовольствие. Жаль, что продолилось оно недолго.

Пройдя по телу поглаживающими движениями, девушки усадили меня на столе и облачили в шелковый халатик, едва прикрывающий срамоту, как выражалась моя бабушка. Потом они переглянулись, обменялись едва уловимыми жестами, подхватили меня под мышки и опять куда-то повели. После бани и массажа ноги слушались плохо. Временами им приходилось меня тащить, когда спотыкалась на ровном месте.

Каково же было мое удивление, когда в следующей ком-

нате я наткнулась на мадам Виолетту. Она жестом отпустила банщиц и велела, указывая на стул перед туалетным столиком, уставленным всякими баночками:

– Садись и молчи! Говорить с тобой я не собираюсь.

Я и сама не собиралась с ней разговаривать, а лихорадочно размышляла. Дело в том, что именно на этом этапе я планировала привести план в действие и нанести себе легкое увечье. А поэтому шарила взглядом по малюсенькой комнатухе, где нам вдвоем с мадам явно было тесно. Тут больше ничего нет! Не тюбиком же с тональным кремом мне себя уродовать.

Мадам уже вовсю возилась с моими волосами, накручивая пряди на плойку. Наверное, решила мне отомстить, превратив в барана.

С прической было покончено, и мадам приступила к макияжу, а я так и не продвинулась в осуществлении плана. Судя по пыхтению и времени, что она затратила на мое лицо, штукатурки на меня наложили не меньше килограмма.

– Готова! – осмотрела она меня и подтолкнула со стула. – Иди к этой двери. Там тебя уже ждут, – и демонстративно отвернулась.

Хоть бы зеркало повесили. Что она со мной сотворила? Может, выгляжу, как чудовище. Коснулась завитушек на голове. Натуральный баран!

Ну и завершающим этапом моего преображения стало одевание в комнату, которая являлась ничем иным, как про-

сторной гардеробной с рядами вешалов и обувных коробок. Там меня поджидали уже знакомые молчаливые банщицы. Видно, они тут на все руки от скуки были.

Без церемоний с меня стянули халат и принялись вертеть во все стороны, разглядывая мое бедное тело. А ничего, что я стесняюсь такого пристального внимания? Кто-нибудь поинтересовался моими желаниями? И хотела бы я спросить, да не у кого было. Даже если бы банщицы говорили, вряд ли стали бы со мной общаться. Складывалось впечатление, что как личность я для них не существую. Есть объект, которым им приказано заниматься, и все. Как роботы – тупо исполняют свою работу.

Когда одна из банщиц протянула мне тонкую люрексовую полосочку, то не сразу догадалась, что это трусы. Лифчик выглядел гораздо солиднее из-за мощного пуш-апа и косточек. Только вот отсутствие бретелек и прозрачность кружева наводили на определенные мысли.

– Я это не надену! – отбросила я комплект в сторону и проворно натянула на себя халат.

Спорить со мной не стали, да и как бы они это делали, хотела бы я посмотреть. С невозмутимым выражением на лице одна из банщиц покинула комнату, но уже через минуту вернулась с группой поддержки. Все так же молчаливо меня сначала скрутили, а потом распяли в воздухе. Конечно же, я брыкалась и даже пыталась кусаться. Но куда там... Две новенькие меня крепко держали, а старенькие методично обла-

чали в подобие одежды.

Как я и предполагала, бюстгальтер высоко поднял мою грудь, но совершенно ее не прикрывал. Кружева заканчивались ровно там, где начинались мои соски. Даже самой мне было стыдно смотреть, как они сморщились и торчали под объемными полушариями. Свой низ разглядывать отказывалась, догадываясь, что там увижу. А мучительницы, тем временем, облачали мои ноги в тонкие чулки и крепили их на кружевном поясе.

– А знаете что?! Продолжайте одевать меня. Да, отпустите уже, руки вывихните!.. – вырвалась я. – Только вот, с места не сдвинусь. Не на руках же вы меня понесете?

Или понесут? Продолжить размышления помешал вид совершенно прозрачной туники, что предложили мне в качестве верхней одежды.

– К чему столько телодвижений? – рассматривала я тонкую ткань, пытаюсь представить себя в ней. – Я же все равно, что голая...

В этот момент дверь распахнулась и снова появилась мадам Виолетта. Зря я надеялась, что больше ее сегодня не увижу.

Сделав знак рукой, она отпустила девушек и приблизилась ко мне.

– По-твоему, где ты находишься? – тихо спросила она, пытливо вглядываясь в мое лицо.

– В клане каких-то придурков, как поняла, – буркнула я и

отбросила прозрачную тряпку, как до этого комплект белья.

– От этих придурков, как ты их называешь, будет зависеть то, как сложится твоя дальнейшая жизнь тут, – даже не подумала разозлиться мадам.

– Так я и не стремилась сюда! – вспыхнула я.

– Но ты здесь! – сделала мадам ударение на последнем слове. – Включи голову и подумай, что ты творишь?

– И что же?..

– Все, чтобы сделать свою жизнь здесь невыносимой, – в голосе мадам послышалась печаль.

– Послушайте, – постаралась я вложить в свой голос всю ласку, на которую только была способна в этот момент, – может быть хоть вы мне расскажете, где я оказалась? Иначе я рискую сойти с ума...

Какое-то время мадам внимательно меня рассматривала, а потом сказала:

– Видно, мне придется нарушить правила и побеседовать с тобой на эту тему. Но! – подняла она указательный палец. – Сейчас не время. Тебя ждет приватный танец, который ты исполнишь с душой, если хочешь сохранить себе здоровье. Потом у тебя будет час перерыва перед следующим. Вот тогда и поговорим. А теперь подчинись. Просто сделай то, что умеешь – сведи с ума клиента, заставь его хотеть тебя. Уверена, что ты справишься.

Мадам Виолетта наклонилась и подняла с пола тунику. Протянув ее мне, она молча удалилась.

Еще минуту я потратила на размышления и пришла к выводу, что мое упрямство играет против меня. По крайней мере, сейчас. Придет время, и я вырвусь отсюда. А до этого, видно, придется мне пройти через череду унижений, чтобы выжить, как выразилась мадам. Ну и еще немного окрыляло ее обещание все рассказать мне. Даже не верила, что скоро, возможно, узнаю правду о своем положении.

Так рассуждая, я облачилась в тунику и с ужасом убедилась, что длинны ее не хватает, чтобы закрыть пояс от чулок. Догадывалась, как, должно быть, развратно выгляжу, но старалась об этом не думать. Как она выразилась? Включить голову? Именно это я сейчас и пыталась сделать, отодвигая эмоции на второй план. Как жаль, что не получалось их отключить совсем.

Не успела я решить, что полностью готова к приватному танцу, как появилась одна из уже знакомых мне банщиц и указала на дверь, через которую первая и вышла. Трезво рассудила, что нужно следовать за ней. По всей видимости, темный коридор, где мы оказались, вел в покои хозяев или господ, как их тут все называли.

Я уже думала коридор никогда не закончится, как мы оказались перед дверью. В темноте я не заметила, как банщица резко остановилась и налетела на нее.

– Прости, – решила извиниться я и тут же получила недоуменный взгляд в ответ.

А в следующий момент дверь передо мной распахнулась,

и банщица втолкнула меня в маленькую круглую комнатку, залитую розовым светом, посреди которой высилась небольшая сцена. Стены комнаты были зеркальными, и что-то мне подсказывало, что с любого места за этим зеркалами я отлично просматриваюсь.

Зазор между стенами и сценой был настолько узок, что даже стоять ровно не получалось. Вынуждена была преодолеть несколько ступеней и замереть посреди сцены.

Свет переливался, но нигде я не заметила шара или еще каких дискотечных приблуд. А вот шест имелся. Возле него мне и предстояло извиваться. Именно в этот момент и зазвучала музыка. И снова произошло чудо – мое тело зажило самостоятельной жизнью. От изумления я даже забыла, как откровенно выгляжу. В какой-то момент поймала себя на мысли, что словно со стороны любуюсь своими умелыми движениями, словно то, что я делала можно было отнести разве что к наивысшему искусству. Мои новые способности – единственное, что мне нравилось в навязанной кем-то жизни.

Музыка звучала долго и когда закончилась, я почувствовала, как сильно взмокла, как прилипла туника к спине, а волосы облепили щеки. Стояла на сцене, не зная, что должна делать дальше. Прислушивалась к тишине, испытывая все больший стыд. Отчетливо осознавала, что кто-то сейчас меня пристально разглядывает. И видит он гораздо больше того, что хотела бы ему показать. С ужасом ждала любой ко-

манды, потому что к большему, чем сделала сейчас, готова не была и нового наказания не хотела. Но тишину не нарушал ни единый звук.

Когда ноги мои стали ватными от все нарастающего страха, дверь распахнулась и все та же банщица поманила меня рукой. Из груди вырвался вздох облегчения, и по телу разлилась предательская слабость. Как же я, оказывается, была напряжена!

Тем же коридором и анфиладой комнат меня вывели в резной холл и, наконец-то, я получила возможность скрыться в своей новой комнате, которую даже рассмотреть не успела. Впрочем, она ничем не отличалась от комнаты той же Стеллы – розовая и девчачья. Была бы моя воля, устроила бы я тут все по-другому.

Быстро приняв душ, стараясь не нарушать прически и макияжа, помня о следующем танце через час, я растянулась на кровати и принялась ждать мадам Виолетту. И она пришла, как и обещала. Быстро юркнула в мою сторону, если так можно сказать про ее дородную фигуру, и закрыла за собой дверь.

– Ты отлично справилась со своим первым танцем, – нехотя похвалила она и опустилась в кресло. – Но не расслабляйся раньше времени, клиенты бывают разными, – предупредила она, и мне почему-то стало неуютно под ее колючим взглядом, словно она желала мне гораздо более острых ощущений, а мечтам ее не суждено было осуществиться. Пока...

– А перед кем я сейчас танцевала? – спросила я, просто для того чтобы хоть что-то сказать и уж точно не ожидала столь бурной реакции.

– Ты задаешь слишком много вопросов! – окрысилась на меня мадам Виолетта. Даже с лица подурнела, так скривилась. – Если только клиент сам захочет открыться тебе, ты узнаешь, для кого танцевала. И не чаще раза в месяц каждая из девушек согревает постель кому-нибудь из медведей. Еще тогда их можно видеть в лицо...

– Как постель?! – в ужасе вскочила я с кровати и замерла возле нее. – Я правильно вас поняла?..

– Думаю, правильно. Не дитя уже и должна знать такие вещи, – усмехнулась мадам, – хоть что-то мне и подсказывает, что ты еще девственница. Но это ненадолго...

– Но это невозможно, – потрясенно пробормотала я. – Что же за уроды позволяют себе такое?!

– Медведи, – тут же ответила мадам.

Она издевается?

– Я знаю, что они называют себя пятнистыми медведями, – постаралась я говорить спокойно, хоть все внутри и клокотало от злости. – Но что это за люди? Почему живут особняком? Кто дал им право так поступать с другими людьми?..

– Уймись, дорогая! – грубовато перебила меня мадам. – Нам запрещено говорить о хозяевах. Но сам Гордей дал мне разрешение. Да и скоро ты бы все равно об этом узнала. Мо-

жет, мой рассказ спасет тебя от первого потрясения...

Мадам замолчала, собираясь с мыслями. И я тоже замерла в ожидании и безотчетном страхе.

– В клане пятнистых медведей живут не люди, а оборотни. Перевертыши, понимаешь?

Чувствуя, как отвисает челюсть, я только и смогла что потрясти головой. Нет, ну точно, она надо мной издевается!

– Они могут быть как людьми, так и медведями. Днем они чаще принимают вид четвероногих и охотятся в лесу, а вот ночью предпочитают возвращаться к человеческому облику. И это еще не все! – остановила она готовую сказать хоть что-то, чтобы поверить, что все это не сон, меня. – Оборотни, у которых мы живем, очень могущественные маги. Колдовство у них в крови, и очень часто они пользуются им для достижения своих целей. И вот еще что... Берегись! Потому как заинтересовался тобой сам Гордей. И к чему это приведет, если ты не усмиришь свой буйный нрав, даже я не знаю.

– И что ему надо? – тупо спросила я. Примерно такой я себя сейчас и чувствовала – ничего не соображающей.

– Ну что может быть нужно мужчине от симпатичной девушки? – снова усмехнулась мадам, хоть выражение напряжения и не сходило с ее лица. – Видно, приглянулась ты ему. Так уж и быть, скажу тебе еще кое-что. Сегодня в полночь ты танцуешь именно для него. Ну а сейчас готовься ко второму танцу. За тобой скоро придут...

Мадам встала с кресла и расправила складки своего пла-

т্যা. У самых дверей повернулась ко мне и предупредила:

– Не глупи, не усложняй себе жизнь. Подчиняйся приказам, если таковые будут. В общем, о чем бы тебя ни попросили во время танца, выполни. С таким покровителем, да при минимуме усилий с твоей стороны, ты сможешь добиться определенных высот. Правда и врагов наживешь немало, – недобро блеснула она на меня глазами и выплыла из комнаты.

Да уж... Рассказала, так рассказала. И я тоже хороша – обалдела до такой степени, что забыла спросить у нее про духа. Возможно, она что-то знает, но теперь можно только сожалеть.

И все же, я не верила. Ну не могла я поверить в правдивость слов мадам Виолетты. Какие оборотни? Сказки все это! Выдумки. Не иначе, как они тут все сумасшедшие. Стоп! А может, я и правда попала в психушку? Тронулась умом, вот и поместили меня в лечебницу. И сейчас я это осознала, потому что наступило временное просветление. Согласна, что для больницы это место выглядит довольно странно, но и я раньше не бывала в таких заведениях. Осталось объяснить себе необходимость танцевать в довольно откровенных нарядах неизвестно для кого. Хотя и это может быть плодом моей воспаленной фантазии.

На этих размышлениях о собственной нормальности меня и застала уже хорошо знакомая банщица. Жестом девушка пригласила меня следовать за собой. Не удержалась и ущип-

нула ее. И конечно же, за сегодняшний вечер я получила второй недоуменный взгляд этой молчуны.

Глава 8

Покидала комнату полная решимости проявлять стойкость духа до конца. В какое бы дикое место не занесла меня судьба, никто не вправе заставлять меня делать что-то, что идет вразрез с моими желаниями, чему активно противится моя душа и собственные принципы. Даже если меня окружают психически ненормальные люди, причем, все как один, я все равно найду способ справиться с ними. Нужно только всегда и везде проявлять твердость. Не убьют же они меня за непослушание или убьют?..

А вот в холле, куда я вышла в сопровождении банщицы, меня ждало потрясение, существенно подорвавшее веру в себя. Две девушки из нашей танцевальной труппы даже не вели, а тащили под руки рыдающую Сайку. На ней не было живого места. От костюма остались одни лохмотья, а слезы смешивались с кровью и обильно стекали по лицу.

Я застыла, не в силах вымолвить хоть слово или сделать шаг. Какой зверь посмел такое сотворить с девушкой?! Банщица тщетно дергала меня за руку. На нее я даже внимания не обращала, во все глаза глядя на крепкую фигуру танцовщицы, которая сейчас мне казалась безвозвратно сломленной.

Заметив меня, Сайка резко замерла на месте и закричала:
– Смотри, стерва! Любишься! Ведь это из-за тебя Калина

так разукрасил меня!..

Я только собиралась с мыслями, чтобы хоть что-то ответить на совершенно нелепое обвинение, как из комнаты соседней с моей выскочила Мальва и заорала не своим голосом:

– Молчи, дура! Хочешь подписать себе смертный приговор?! Ведите ее ко мне, а я позову мадам...

На меня она даже не посмотрела, пронеслась, как мимо пустого места. Тут банщица снова дернула меня за руку, да так сильно, что едва не повалила на пол. Вынуждена была подчиниться, хоть все еще пребывала в шоке. Даже не понимала отчего сильнее – от реплики Сайки или от ее вида.

Всю дорогу до гримерки и то время, пока банщица освещала мой макияж, я размышляла на тему, кто такой Калина, и каким боком он вообще относится ко мне. Ну точно, здесь собрались ненормальные!

Непосредственно перед выходом меня поджидал сюрприз, что хоть немного разбавил мерзкое чувство в душе, от которого я места себе не находила. Прозрачный балахон банщица предложила мне сменить на более приличную одежду – платье-разлетаюку нежного бежевого оттенка, отливающего перламутром. Если оно и просвечивало, то самую малость, хоть и показалось мне ужасно коротким. С развратным бельем и чулками я тоже без сожаления рассталась и облачилась в атласный комплект, надежно прикрывающий мои прелести. Не иначе, как мне предстояло исполнять при-

ватный танец перед пуританином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.